

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ПЛЕННИК ПОРОКА

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Корни земли

Марина Александрова

Пленник порока

«Научная книга»

2019

Александрова М. Г.

Пленник порока / М. Г. Александрова — «Научная книга»,
2019 — (Корни земли)

Перстень судьбы продолжает свое странствие по разным странам и эпохам. На этот раз он попадает в XIX век, жестоко расправляясь с судьбами и жизнями тех, кому довелось соприкоснуться с его страшной силой. Кто сможет противостоять его дьявольскому могуществу?

Содержание

Легенда о перстне	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина Александрова

Пленник порока

*Сквозь поколения и года
Не убывает сила в перстне –
Какой бы не была страна,
Оно живет с владельцем вместе.
Кольцо сначала бережет
От лютой смерти, бед, стонаний
Но тем, кто смерть несет иль лжет,
Намечен путь в страну страданий.
В том камне алый огонек
Предупреждает о несчастье,
И как бы ни был путь далек –
Тебя он приведет к расплате.*

С. Кулманова

Легенда о перстне

В давние времена в городе Константинополе жил человек. Слыл он великим мастером ювелирных дел. Не было ему равных в этом не только в Константинополе, но и во всей Византии. Делал мастер перстни, браслеты и ожерелья и тем зарабатывал немалые деньги.

Всего было в достатке у ювелира, не было у него только семьи. Жил он одинокой холостяцкой жизнью, а годы шли и стал он уже немолод.

Но вот однажды встретил мастер девушку, прекрасную как сама любовь. Воспылал он к ней страстью, и девушка, как это не странно, ответила ему взаимностью. Ювелир женился на ней, препятствий к этому никто не чинил, и стал жить семейной жизнью.

Только после свадьбы понял мастер, что многого не разглядел в характере своей красавицы-жены. Оказалось, что под ангельским личиком скрывается дьявольский нрав. Но он все равно продолжал любить свою жену, и потому прощал ей все злобные выходки, принимая ее такой, какая она есть.

Время шло. Ювелир делал свои украшения, предоставив молодой жене полную свободу действий. Та занималась исключительно собой, не прилагая ни малейших усилий к тому, чтобы сделать счастливым мужа.

Однажды жена все же порадовала мастера вестью, что она беременна. В положенный срок на белый свет родилась девочка. Семейная жизнь начала потихоньку входить в спокойное русло. Конечно, примером добродетели жена мастера не стала, но и откровенно злобных выходок себе уже не позволяла.

Увы, причиной этому было не рождение дочери. Ювелир и не догадывался, что его жена, уезжая на несколько дней, вовсе не гостит у родителей, как она обычно говорила, а принимает участие в служениях, противных Богу, то есть, в черных мессах.

Годы все шли, мастер по-прежнему ни о чем не догадывался. Его только удивляло, что жена никогда не берет с собой дочь, когда едет погостить у родных. Знай, все отговаривается, дескать, отец не может простить ее за то, что она подарила ему внучку, а не внука, и девочку видеть не хочет. Ювелир изумлялся стойкой неприязни свекра, но вслух ничего не говорил. Он-то любил свое единственное дитя до самозабвения.

Дочь подросла и стала писаной красавицей, не уступающей в красоте матери, да еще и душа у нее была светлая, как у настоящего ангела, сошедшего с неба, чтобы спасти нашу грешную землю.

Однажды жена внезапно выразила пожелание взять девушку с собой. Та с радостью согласилась. Вернулась она через месяц. Обливаясь слезами, поведала она мастеру о том, что их единственная дочь скончалась от болотной лихорадки, как только они приехали к ее родственникам.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

И тут ювелир заподозрил неладное и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но когда посетил кладбище, нашел там их могилы. Могилы же дочери ему увидеть так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Ювелир начал следить за женой. Когда она в очередной раз собралась ехать к родителям, он сказался больным и не стал даже изъявлять желания поехать с ней, чтобы навестить могилу

дочери. Жена уехала, и он тут же последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Мастер прибыл как раз вовремя и увидел, как участники черной мессы приносят в жертву сатане молодую девушку. Это была не дочь ювелира, но тот понял суть происходящего.

В следующий раз черная месса была прервана в самом разгаре появлением священников. Жену ювелира, по его просьбе, не предали смерти, как остальных участников черной мессы, а привезли в монастырь, чтобы изгнать из нее демона. Ритуал выполнили со всей тщательностью, и, наконец, душа ее очистилась от скверны. Сразу же после того, как дьявол был изгнан, жена мастера скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но и погубить его невозможно. Поэтому решили заточить его, чтобы он не навредил людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Когда ювелир отливал перстень, монах наложил на него заклятье. Он понимал, что когда-нибудь, несмотря на все ухищрения, перстень может попасть в чужие руки. Поэтому ювелир и монахи постарались как можно крепче обезопасить проклятое украшение. Сделать его совсем безобидной побрякушкой они не могли, но подчинить при определенных условиях демона, таящегося в кольце, воле его владельца, им оказалось под силу.

В итоге демон, заключенный в перстне, не мог вредить владельцу кольца, автоматически становящемуся его хозяином, и обязан был во всем ему помогать до тех пор, пока тот не совершит три поступка, разрушающих заклятье. И тут демон волен расправиться со своим хозяином, и ничто не мешает ему.

По заклятью, демон мог освободиться в только в том случае, если владелец перстня станет причиной смерти женщины, лжесвидетелем и лишит ребенка куска хлеба.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-то из мирских людей. Мастер, постригшись, остался в монастыре и всегда носил перстень на левой руке, как напоминание о своей неосмотрительности и постигшем его горе. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с собой, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Однажды мастер отправился с неким поручением в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Его убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося людям горе.

Глава 1

Не единым разумом жив человек. Если вдуматься, в жизни, в обычаях, в вере, в привязанностях и страстях людей – разуму принадлежит далеко не первостепенная роль. Человека человеком делает страдание...

Альберто Моравиа

1850 год. Осень. Подмосковье

Опять вспомнились Сергею эти глаза. Боже! Разве может быть девушка такой красивой? «Конечно! – отвечал ему внутренний голос. – Если есть такие идиоты, как ты, почему бы не родиться на земле таким богиням, как Екатерина!»

Он безотчетно верил снам, предсказаниям и гадалкам. Одна из них предрекла ему богатую жизнь после многолетних лишений и бед. Ему было восемнадцать лет, самый опасный возраст для любовной болезни, раны и шрамы от которой остаются на всю оставшуюся жизнь.

– Это с отцом, что ли, я ее заработаю? – недоверчиво спросил он у гадалки.

– Да нет, милый. Случай тебе будет, не упускай его, – ответила та, глядя на Сергея жгучими черными глазами.

– Да, плохи мои дела! – сказал сам себе Сергей Юзов. Он надеялся на быстрое и ошеломляющее богатство, но ему предлагают ждать. А тут еще он, выходец из захудалого дворянского рода, давно потерявшего свой статус и превратившегося в обычных ремесленников, не на шутку влюбился в богатую аристократку Екатерину Лиговскую.

Сергея не так восхищали красота и утонченность Екатерины, как случай, который свел его с ней. Еще совсем недавно он и подумать не мог, что окажется во дворце, на балу, устроенном императором Николаем Павловичем.

* * *

...Никто и никогда так и не узнал бы, что мать Сергея, Евдокима и Вероники была родом из знаменитого рода Перстневых, чье положение в свете с десятков-полтора лет назад играло немалую роль. Но случилась в семье, некогда большой и славной своими делами, какая-то драма, и стали родные люди в одночасье врагами. А веник разломать по пруту проще, чем если он крепко связан. Вот и покосило время всех Перстневых: кто погиб на поле брани, кто впал в немилость, кто так сгинул. Смутно с детских лет помнила Варвара, что проклял и изгнал ее родителей из дома родной ее дед, а за что? И следа в памяти не осталось, а родители ее крепко берегли тайну и так и унесли ее с собой в могилу. Рано они померли, и Варе пришлось совсем забыть о былом величии рода и о своем происхождении. Жила в нищете и вечной работе за кусок хлеба, пока не встретила Гаврилу. И, как оказалось, на счастье.

Полгода назад к ним приехал поверенный семьи Перстневых Николай Ильич Прокопов и, к немалому удивлению семьи Юзовых, оповестил о том, что их мать, Варвара, стала единственной владелицей солидного по своему значению наследства.

Гаврила не знал, как поступить. Ведь он встретил ее, совершенно не зная, из какой она семьи, да и не интересовала его вовсе родословная жены, а теперь...

Дети же отнеслись к неожиданному наследству с превеликою радостью, и месяц спустя Гаврила со старшим сыном Евдокимом отправились к последнему умирающему родственнику Варвары, чтобы высказать благодарность и принять завещанное наследство.

О неожиданном счастье Юзовых вскоре узнали многие в Снегирях и старались более приблизиться к их семье, так как эта история обросла невероятными по своему масштабу слухами о происхождении Варвары.

* * *

Вспомнили о Варваре и в свете, и некоторые родовитые семейства не преминули явиться к ней в дом с визитом и выказать свое уважение. Семью Перстневых знали в высших кругах многие, и ее былые заслуги перед отечеством у многих оставались в памяти.

Но вскоре интерес схлынул. Проходило время, но оно почти ничего не изменило в жизни простой купеческой семьи. Да, они стали богаче, но не на столько, чтобы занять подобающее происхождению Варвары место при дворе, и тогда Гаврила решился на шаг, вполне приемлемый по тому времени. Кроме небольшого недвижимого имущества и некоторой суммы денег, Юзовы получили в наследство большую и очень дорогую коллекцию картин, среди которых солидное место занимали полотна западных художников, но с одним условием – не продавать их.

Но, как оказалось, на эти картины уже давно положил глаз богатый аристократ Тобольский Леонид Павлович, пользовавшийся славой влиятельного человека при дворе. Когда последний Перстнев уже был тяжело болен, он хотел было выкупить у него картины, но умирающий категорически ему отказал и не менее строго предупредил Гаврилу, что ему надлежит хранить наследственный раритет как зеницу ока, и под страхом смерти приказал не продавать ничего, что Гаврила клятвенно пообещал ему. Такое же требование было записано и в завещании.

– Я не могу нарушить клятву, которую дал родственнику моей жены, – сказал Гаврила Леониду Павловичу, когда тот уговаривал его продать картины за большую сумму.

Но этот человек не для того приехал из такой дали, чтобы возвратиться ни с чем.

– Ладно, Гаврила, я прекрасно знаю, о чем ты думаешь. Давай серьезно, по-мужски обсудим все, – Леонид Павлович встал и, прохаживаясь по маленькой комнате тяжелыми шагами, обдумывал, с чего начать.

Гаврила чувствовал себя не совсем уютно. Терзали его смутные подозрения, что Тобольский действительно знает о тайном желании Гаврилы попасть ко двору, потихоньку утвердиться при нем и стать продолжателем знаменитого рода своей жены.

– Ну, говори, – наконец выдал из себя Гаврила.

Леонид Павлович будто сейчас заметил, в каком жилище он находится. Он оглянулся вокруг, внимательно рассматривая нехитрую обстановку купеческого дома, хозяин которого совсем недавно выбился из мастеровых-краснодеревщиков во владельца мастерских и торговца своими же собственными изделиями, и с некоторой брезгливостью и недовольством обошел стол, придвинул крепкую, искусно сделанную лавку к столу и сел.

– Как ты знаешь, Гаврила, человек я при дворе не последний, и могу тебе и семейству твоему помочь в восстановлении доброй фамилии твоей супруги, так что дети твои будут уважаемыми и почитаемыми людьми в свете. А более того – у меня остановился посол Вюртемберга. Так вот в чем дело-то. Посол этот, Фредерик фон Барнет, ищет мастеровых для перенятия, так сказать, опыта. Но! Но все это, я тебя предупреждаю, очень конфиденциально. И если ты согласишься оказать ему эту услугу, поверь, в долгу он не останется.

– А что ж мне проку от посла этого?! – спросил Гаврила.

– Польза тебе будет от меня! Коли с картинами договоримся, так и с послом тебя познакомлю, а уж у него тебе и твоим детям есть чему поучиться!

– О картинах речи не может быть! – властно заявил Гаврила.

– А ты не торопись с ответом, я ж тебя не продавать их прошу, – заметно лукавя, ответил Леонид Павлович.

– А что ж?! – удивился Гаврила.

Тобольский присел и, подвинувшись поближе, заглянул Гавриле прямо в глаза, потом оглянулся и, убедившись, что никто за ними не подсматривает, произнес:

– Ты их подари музею моему... Не торопись, не торопись, – предупредил он Гаврилу, видя как тот восторгнулся, услышав такое. – Во-первых, ты сделаешь благородный жест, о котором узнают многие, во-вторых, я познакомлю тебя с нужными людьми, а в третьих, мы подпишем бумагу, где сказано, что ежели я не выполню таких-то и таких-то условий, ты вернешь картины себе, – теряя терпение объяснял Тобольский.

– Да уж, у вас возьмешь обратно! – недоверчиво произнес Гаврила.

– Слово дворянина! – хлопнул себя кулаком в грудь Тобольский.

– Я подумаю, – вздохнув, посулил Гаврила. Им обоим уже достаточно надоел этот разговор. Они разошлись, пообещав друг другу встретиться через неделю.

В порядочности слов и поступков Тобольского еще никому не приходилось сомневаться, и наутро следующего дня, поговорив о сделке с семьей, Гаврила решил.

– О детях надо думать, – сказала Варвара, перемывая посуду после ужина.

– Да-а, – протянул Гаврила. О клятве, которую он дал умирающему, никто не хотел вспоминать.

– Но, как же... – начал было Гаврила, но жена его остановила:

– Они обо мне столько лет не вспоминали, отец с матерью в немилости из-за них сгинули, а теперь хотят, чтобы я их требования безумные выполняла! Ну уж нет! Думаю, Бог на меня не обидится, а больше мне не перед кем оправдываться! Тем более, что не продаем мы их, а по необходимости...

– И по доброте душевной дарите музею Тобольского! – закончила Вероника, услышавшая разговор родителей и решившая тоже принять участие в этом нелегком для них выборе.

За ней пришел Сергей и молча уселся на лавку в ожидании дальнейшего развития событий.

– А тебе чего? – буркнул Гаврила, насупив брови.

– Умный человек этот Тобольский. И ты себя обманутым не чувствуешь, и его не обидаешь. У него, похоже, большая своя выгода во всем этом есть. Думаю, отец, тебе надо прислушаться к его советам и поступить именно так, как он предложил. Вот видишь, как он все обставил: ему выгода, а нам польза, да уже хотя бы от того же посла... – сказал Сергей.

Гаврила лишь вздохнул и ничего не ответил. Отрицать – значит врать самому себе, согласиться с Сергеем – изменить своему уже сложившемуся мнению о нем. Недоволен он был средним сыном, считал его бездельником, пустоголовым, так как не лежали у парня руки к тому делу, каким из поколения в поколение занимались мужчины-Юзовы. Теперь-то он начал понимать, что, видимо, в материнскую ветвь Сережка пошел. Поговорить-то он любит, и все у него так уж складно получается...

Все так и произошло, как уговаривались. Тобольский устроил выставку картин, на которой восхвалял семью Юзовых, где к месту представил и Перстневых, о которых знало общество. Недвусмысленно дал понять, что отныне он им покровительствует.

Юзовы держались на выставке сдержанно и с достоинством, отчего многие прониклись к ним уважением.

– А это князь Белгородов, – познакомил Тобольский Гаврилу еще с одним нужным человеком.

– Очень приятно, – отозвался князь.

– Вдвойне, – пожав сухую руку князя, ответил Гаврила.

– Я слышал, что вы выставили не всю коллекцию картин вашего родственника, – как бы между прочим поинтересовался Белгородов. Он тоже, как и Тобольский, был крайне заинтересован в приобретении картин.

– Да, это так. Некоторые из них я хочу продать, – ответил Гаврила и отошел к сыну, который был занят разговором с Тобольским.

– Ну что ж, вы все правильно делаете, некоторые семьи уже хотят знакомство с вами тесное иметь, и это, честно говоря, из-за моего благорасположения к вам. Вот уж и князь заинтересовался, – заметил Тобольский.

Позже, когда устраивался прием во дворце, именно здесь и познакомился Сергей с Екатериной Лиговской. Тобольский с помощью посла Вюртемберга Фредерика фон Барнета устроил выставку в одном из малых дворцовых залов, где и столкнулись двое молодых людей в первый раз.

* * *

...Раньше ему никогда не встречались такие женщины. Это и не удивительно. В семье на первом месте было ремесло. И старший брат Евдоким, и маленькая сестрица Вероника уже с малых лет были привязаны к делу.

Евдоким, получив ранние уроки плотничества в семейной артели, уже был опытным мастером, а сестрица, с детства не выпускавшая из рук кисти, умело разукрашивала деревянные изделия, изготавливаемые плотниками.

Одному только Сергею это занятие было чуждо. Он жил, развлекаясь за счет матери, которая, пряча и собирая деньги, отдавала их среднему сыну.

– Не хочу я, отец, всю жизнь спину гнуть, как вы! – резко ответил он как-то на гневные расспросы отца. – Я богатым буду и так.

– Что? Ах ты, щенок, сучий сын! – изливая праведный гнев, кричал Гаврила Юзов, – Это как же ты богатеешь-то станешь? Отвечай! Или что недоброе задумал?

Среднего сына не задел отцовский строгий выговор.

– Узнаешь вскорости, – бросил он и вышел.

С того дня прошло много времени. Дело Юзовых процветало благодаря послу фон Барнету и иноземным купцам, которые оценили умельцев и стали потихоньку скупать у мастеров деревянные ложки, стулья, посуду и другие изделия.

Вскоре Юзовы были завалены заказной работой, и не только от иноземцев, но и от двора Его Императорского Величества.

– Не ценили нас раньше-то, а теперь, гляди, чего дееется, – качал головой довольный Гаврила, разглядывая огромную мастерскую, где работали больше трех десятков человек.

Пусть они пока выполняют заказы на изготовление мебели и посуды для дворцовой кухни и построек, где селится челядь. У Гаврилы была надежда, что увидит однажды император работу прославленного ремесленника и тогда...

За такими мыслями и занятостью Гаврила совсем потерял из виду среднего сына. Мать, Варвара, на вопросы о нем лишь испуганно кивала головой и всячески защищала его от нападок отца.

– Да, оставь в покое мальчика! Что прикипел? Не хочет он, дак не заставишь, мало тебе, что Евдоким и Вероника наравне с тобой работают?

Гаврила лишь кряхтел, но спорить с женой не собирался. Любил он ее и многое позволял решать по-своему. Сколько лет уж прошло, а до сих пор душа заходила от нежности к ней.

«Как ее балую, так и она с этим стервецом нянькается! Ну, ничего, погодите у меня!» – мысленно угрожал он и сразу же забывал. Усталость, занятость и забота о ремесле не давали ему времени думать о Сергее.

И мечта Гаврилы сбылась. Месяц назад прискакал гонец от канцлера и объявил, что его лучшие изделия должны быть вскорости представлены для показа, и если они понравятся, он получит солидный заказ на изготовление мебели и прочих поделок для императорского двора.

– Наслышан император о твоём мастерстве и решил иноземных мастеров отбить, а нашим почет и уважение высказать, дабы всем показать, как ценятся свои мастера в родном отечестве, – доложил гонец Никита Коровин.

– Ах! – только и промолвила Варвара.

«Господи, вот удача-то! Тьфу, тьфу, тьфу», – подумал про себя Гаврила и постучал пальцем по дереву, боясь сглазить свои радости, повалившие одна за другой.

Какие чувства в эти дни переполняли сердце старого Гаврилы! Его признали! И кто? Император, ставший провозвестником грядущих перемен! Люди все больше и больше проникались к нему симпатией и радушием, и тому было множество причин.

Император Николай Павлович производил благоприятное впечатление и во дворце, и на улицах столицы, где его часто видели гуляющим без свиты, пешком, без всяких церемоний. Он здоровался с проходящими и вел себя естественно, и это, конечно, не могло никого оставить равнодушными.

– Конечно! А когда изволит его Величество?.. – заглядывая в глаза гонцу, спросил Гаврилы.

– Да ты не суетись! – успокоил его дюжий молодец, слезая с коня. – Ты сначала изготувь все как следует, а потом мне весточку дай. Прослышали о тебе через немецких купцов и заинтересовались, сами Его Величество спрашивали о вас. Но не к спеху это. Так, для развлечения, – договорил гонец и вошел в дом Юзовых.

– Варвара! – крикнул Гаврила во всю глотку. – Варвара! На стол накрывай, от императора гонец прибыл! – огласил он дом таким зычным голосом, что и на улице люди вздрогнули.

На крик отца из светелки вышел Сергей.

– Сгинь! Уйди с глаз моих, – шепнул ему отец и, повернувшись к гонцу, ласково проговорил:

– Вы садитесь, садитесь! Устали, небось, с дороги-то, сейчас баба моя и на стол соберет.

Сергей стоял, облокотившись о дверной косяк, и смотрел на гонца, который в свою очередь устался на стол, накрываемый шустрыми руками Варвары.

– Да, вот еще, – прожевывая индюшачью ножку, осведомил он, – в следующую седмицу бал у императора во дворе, и он приказал быть вам с детьми и привести своих лучших работников. То есть, конечно, не всю артель тащи, а человек пять. А детей своих можешь взять всех, – он вытер руки о чистый рушник и, запив еду крепким вином, поблагодарил хозяев за хлеб-соль:

– Ну, спасибо, уважили. Так и передам, – он отвесил поклон и вышел. Сергей от радости чуть косяк дверной не сломал. Еле дождавшись ухода гонца, он полетел вихрем в мастерские и объявил о новости Евдокиму.

«Это, наверное, тот случай и есть, о котором гадалка сообщила», – радостно думал Сергей.

– В следующую седмицу, говоришь? – равнодушно спросил брат.

– Ага, – ответил Сергей, развалясь на душистых деревянных опилках.

– Что ж, Бог даст, пойдут теперь наши дела в гору, – спокойно протянул Евдоким.

– Как это, Бог даст? Ты чего? Даст не даст, а во дворец на бал не каждый попадает! – Сергей обиженно отвернулся.

– Посмотрим. А Вероника как? – спросил тем же тягучим голосом Евдоким.

– Не знаю. Ей-то что, пятнадцать лет девчонке, какие ей балы!

– Эка, ты шустрый на распредел! Вперед батьки решил уже, кому пойти, а кому дома сидеть? – возразил Евдоким, и Сергей услышал в его голосе железные нотки. Тревожный сигнал. Чувствуя себя немного обескураженно от такого поворота, он отвернулся.

– Знаю, что ты думаешь! – вздохнув, ответил он. – Это я недостойн на бал пойти. Не работаю, науку не постигаю. Не как вы, примерные и хорошие. А может, судьба моя там, на балу-то этом? Э-эх! Ты не поймешь! Куда тебе, таким, как ты, – только работать, да вина на праздник побольше, – высказывался Сергей, но, повернувшись, понял, что разговаривает сам с собой.

– Даже слушать им меня противно! Вон оно что! Ну, ладно, я вам всем покажу! Всех богаче буду и к дому своему не подпущу! Ишь, все им не так, – и начал Сергей в уме перебирать все невзгоды и несчастья, им самим же придуманные. Любил он себя жалеть, а потом матери рассказывать о своей печали и доле несчастной.

– Ничего сынок, крепись! Авось, и вправду судьбу свою изменишь, так лучше во дворце попытаться...

– И найду, мама, сердцем чую, что изменится скоро жизнь моя, – тыча себя в грудь кулаком, доказывал он матери.

А мать все про кольцо семейное думала, что Гавриле принесло немало пользы. Хотя не верил муж, что от кольца в его судьбе что-то зависит, Варвара помнила слова свекра, который передал по наследству колечко старшему сыну, несколько раз повторив:

– Берегите его, и сыновьям передайте. И скажите, чтоб хранили, ибо семейная эта вещица, наша. Будут добро сеять – поможет, а коли недоброе задумают – приведет к скорой расплате.

Слова-то помнила, но давно уже похоронила надежду, что увидит еще когда-нибудь колечко заветное.

– Замуж когда выходила за Гаврилу, он и показал мне один раз его, а потом старший брат Гаврилы Петр забрал перстенок. Благодаря ему мы жили не в нищете, как было много лет назад, но и не в роскоши, как хотелось бы. А Петр, прослышав, что дела у брата на поправку пошли, затребовал кольцо и сгинул с ним на веки вечные. Ни слуху ни духу от него, – рассказывала Варвара детям.

– Это наказание ему свыше, – говаривал Гаврила, – и наследство у меня отцово увел, и колечко родовое забрал. Вот и карает его Боженька. А колечко то недоброе. Нельзя его хорошим людям носить, бес, что в камне живет, разум туманит и на грехи толкает, – он рассказывал эту историю своим детям много раз, а теперь и она позабылась.

Два дня осталось до бала, и Сергей ходил в бесконечной тревоге.

«Позволит отец пойти, али нет?» – он даже за едой об этом думал. А Гаврила смотрел на него и продолжал жалеть сына.

«Ведь вырос парень, и красив, и сложен хорошо, а мастерством да трудолюбием вот Господь обделил его! И за что мне наказание такое?»

С ним согласились бы многие. В семье Юзовых Сергей был красивее всех. Высок, белолиц, чернобров, девки так и крутились вокруг, но стоило ему открыть рот, как приходили в смущение от его слов. Уж больно они казались заумными, ничего спроста не скажет. Но парня такое отношение особо не огорчало.

Он поклялся себе, что женится только на богатой и умной девице дворянского сословия, но прежде сам станет состоятельным, чтоб соседей и родню зависть жгла синим пламенем, а особенно дядьку его проклятого, что перстень у отца забрал.

Ох, как порой торопил он миг своего превращения из ремесленника в зажиточного купца, богатого, с красивой женой и кучей ребятишек. Он бы первым делом нашел дядю и плюнул ему в лицо, сказав, что они и без этого перстня разбогатели, а Петр пусть так и остается с этой безделушкой!

С такими думами Сергей уже довольно далеко вышел за речку Беглянку, протекавшую вдоль их села Снегири, и приближался к большой объездной дороге, что вела в Петербург.

«Столица! Петербург! Жди, я скоро буду!» – мысленно пообещал он и повернул обратно. Мысли его успокоились, и он, уже ни о чем не думая, повернул было домой, как услышал позади себя тяжелое дыхание.

«Господи! Господи Иисусе! Прости мне мою гордыню и думы нечистые! Прости меня, Господи! Ни о чем более не попрошу, только спаси и сохрани!» – неистово взмолился Сергей, боясь повернуться.

Тяжелое дыхание стало медленно затихать, изредка доносились только хриплые звуки.

«Похоже, лошадь, но как она оказалась тут? Может, заплутала? Или сломала себе шею и сдыхает недалеко? Да, точно лошадь! Пойду, погляжу», – догадался Сергей и повернулся. Пройдя несколько десятков шагов в густой непроглядной тьме, он увидел, что в расщелине меж двух скатившихся недавно огромных булыжников лежит почтовая карета.

* * *

Уже полностью стемнело. Варвара давно накрыла на стол и ждала своих работников. Вот показалась чернявая голова Евдокима, который докучал Веронике – ангелу с голубыми глазами и пшеничной косой, а следом, тяжело ступая, словно медведь-шатун, шел Гаврила.

– Сереньку не видали? – пряча тревогу, спросила мать.

– Он, мама, нам давно не компаньон, – ответила Вероника.

Отец и Евдоким лишь хмуро взглянули на стоящую с озабоченным выражением на лице Варвару и вошли в дом. Но не теряла надежды мать, что станет ее сыночек лучше всех.

«Как вы не смотрите, что ни говорите, никогда не откажусь от него, верю в него!» – упрямо думала она.

Сели ужинать.

– Ох и сон мне нынче плохой привиделся, – сказал Гаврила и, заметив, как жена судорожно сжала платок, взглянул в окно и закричал:

– Да не про Сережку твоего окаянного! Я скоро, того гляди, в могилу лягу, уж и к земле привыкаю, а она все об этом змееныше думает! Что ему будет? Живет себе, словно у Христа за пазухой!

Варвара опустила взгляд в пол и молча выслушала отповедь мужа.

– И не гневи меня больше, Варенька, заботой своей и опекой этого недоросля! Не то ему же и достанется от меня по полному ведру на каждое ухо! Ты знаешь, я терпелив, но и на расправу крут! Не гневи! – и, с силой бросив самодельную ложку на стол, вышел на улицу.

Глава 2

Под перевернутой каретой Сергей увидел человека. Приблизившись, он помог ему вылезти из-под тяжелого мешка.

– Тут... письма, сынок. Отправь... осталось два. Помру, чую, помру, – старый почтмейстер достал из-за пазухи два затертых конверта и, протянув их Сергею, запрокинул голову. Из горла его пошла кровь. Сергей сидел на земле, обхватив голову старика, и не знал, как поступить дальше.

– Ты, не умирай, слышь? Не вздумай. Я тебя сейчас домой отнесу, там и лекаря найдем, и на ноги поставим. Господи! Ну, за что мне это? – из глаз готовы были политься слезы.

Старик вдруг открыл глаза и посмотрел на Сергея спокойным безмятежным взглядом:

– Ты вот что еще, – вдруг заговорил он, – там, в сундучке, где провизия моя лежит, в самом уголке есть шкатулка. Мне ее псковский почтмейстер передал. В ней письмо и вещь какая-то, для Юзовых, – тут голова его поникла и старик помер.

Сергей вскочил и стал разыскивать сундучок. Нашел он его быстро. В шкатулке действительно лежало письмо, а развернув лоскут темной ткани, он увидел перстень – серебряный, с мрачно светящимся опалом такой черной густоты, что, казалось, он поглотил все самые темные ночи, какие бывали на земле. И лишь в самой его глубине светилась какая-то непонятная искра. У парня дрогнуло сердце. Он встал, положил в карман к остальным двум и это письмо, и с чувством радости произнес:

– Вот ты и нашелся!

Он долго всматривался в старую родовую вещь, словно она должна была рассказать ему что-то. Но перстень молчал.

«Это, наверное, знамение. Старик умер, а потом вдруг ожил, только для того, чтобы о перстне сказать», – подумал он.

Между тем тучи полностью затянули небо и вся округа покрылась мраком, стало так темно, как бывает только в редкую безлунную ночь.

Звуки стихли, ветер, до того беззаботно игравший с листьями, замолчал в ожидании. Даже из села не доносилось ни звука скрипучих телег, кативших душистое сено, ни лай бестолковых собак.

Жутко. Сергей один на один с мертвецом и родовым перстнем, который хранил тайны предков уже не одно столетие. Все грехи и победы видел он. Порокам и достоинствам был свидетелем не однажды, и вот теперь волею небес вернулся к законному владельцу. Парень с какой-то жестокой и алчной любовью смотрел на камень. Что-то блеснуло в нем и стало разгораться. Алый огонек едва-едва ожег серебро слабым свечением, но вдруг резко погас.

«Наваждение какое-то», – подумал Сергей и в ту же минуту откуда-то издалека раздался страшный хохот. Покуда этот хохот утихал, небо светлело и возвращало свои цвета. Одновременно он услышал голос матери, звавшей его тихо, испуганно.

– Я здесь, мама, – ответил он.

– Ох ты, Господи! Что же это? – всплеснула руками женщина, увидев перевернутую карету и мертвого почтмейстера на руках сына.

– Я все тебе расскажу. Мам, он перстень мне привез! Перстень от дядьки Петра и еще письмо! – Сергей был так обрадован, что не заметил простой жалости в глазах матери, которая плакала над судьбой несчастного старика. Немного успокоившись, она рассказала ему о гневе отца.

– Мама, ты не переживай. Я завтра же поговорю с отцом. Пусть он возьмет меня в артель хоть на самую грязную работу. Буду бревна тесать, мусор носить, плоты по реке гонять. Мне

теперь все нипочем. Вот увидишь, теперь мне все нипочем. Не плачь, – он ласково обнял мать и прижал к сердцу.

Ни один ребенок так не относился к ней, как Сергей. Даже в детстве она замечала, что Евдоким и Вероника были всегда с отцом, а Сергей рядом с нею. Она пыталась приблизить их к себе, но они скупно принимали ее ласки, ничего не давая взамен.

Сергей помог матери подняться и они пошли домой. Дома Варвара обо всем рассказала Гавриле и детям.

– По праву перстень сей принадлежать должен Евдокиму, но коли ты нашел его и бредишь им давно, как я понимаю, – тут Гаврила посмотрел на мать, которая и вправду давно уже забила голову Сергею этим перстнем, – пусть у тебя он будет. Пусть. Ты как, Евдоким? – спросил он у старшего сына.

– Да мне-то что. Пусть носит, может, тогда за ум возьмется. Ежели и вправду колечко заговоренное – должен, – ответил Евдоким и вышел на улицу, где уже запрягали лошадей, чтобы поехать за почтмейстером.

Сергей, не помня себя от счастья, раньше Евдокима запрыгнул на телегу и, подождав отца, они втроем поехали за телом погибшего.

– Я вижу, перстень начал действовать, – ухмыльнувшись в бороду, заметил Гаврила, видя, как Сергей ловко правит парницей. Раньше его и верхом-то редко можно было увидеть.

– Дитя еще, – ответил Евдоким и стал вглядываться в сгустившиеся осенние сумерки.

Два оставшихся до бала дня семья Юзовых занималась отправкой тела почтмейстера домой, чтобы его там похоронили. И соседи, и окружающие с пониманием отнеслись к подобным хлопотам.

– Вот ведь молодцы! Не бросили, – одобряли одни.

– А куда ж деваться, не оставишь же на дороге человека, – добавляли другие.

– Остальным, может, и наплевать, а они – глянь! Хорошо воспитал их Гаврила, – завидовали третьи. И все как один удивлялись искренней заботе Сергея о покойном.

– Ведь лихоимец какой был!

– Всему свой срок наступает, вот и образумился парень.

– Говорят, он у отца работать стал, – удивлялась соседка Анисья.

– Побатрачишь, пожалуй, коли к балу дворцовому дело идет, – иронично заметил ее сын Филимон.

Вот так, в спешке, разговорах, пересудах да делах пролетели два дня. Ни Гаврила, ни Варвара не могли нарадоваться на Сергея. Все у него получалось, со всеми ладить стал и работы домашней не чурался. А как попросил отца в артель его взять, тот чуть не поперхнулся за столом, но, принимая во внимание его усердие и искренность просьбы, не отказал.

* * *

– Завтра работаем до полудни, а потом собираемся во дворец, – объявил Гаврила и, тяжело поднявшись из-за стола, направился в опочивальню.

Вероника захлопала в ладоши, Сергей от радости застучал ложкой по столу, наигрывая известную мелодию, а Евдоким поморщился.

Варвара с любовью смотрела на младших детей, которые обсуждали свои наряды и учили друг друга манерам поведения и правилам этикета при дворе. Только Евдоким безучастно слушал разговор брата и сестры.

– А ты чего ж молчишь? – спросила его мать.

– А чего мне? Я такой любви к этим сборищам не испытываю, – ответил он и, широко зевнув, отправился спать.

– Скучный он, – ответила Вероника.

– Тебе, смотрю, я всех веселей кажусь, – сказал Сергей и подмигнул ей.

– Да, ты и вправду лучше стал. Не знаю, отчего это? – она лукаво улыбнулась. В действие кольца она не верила, а предполагала, что братец ее влюбился, оттого и стал дюже сноровистым и покорным перед отцом.

Глава 3

Поздравить Гаврилу Юзова с таким успехом, как приглашение во дворец, пришли друзья и знакомые семьи. Одним из них был богатый купец, торговавший солью, Никанор Мордвинов, медлительный мужик с тяжелой поступью. У Никанора был сын Семен, одних лет с Евдокимом, который нынче служил в полку императорской гвардии.

Семен славился лихим нравом и смелым характером. Про него говорили, что сидеть в седле он научился раньше, чем стал ходить, и теперь почитался за лучшего наездника в полку. Не было ни одного жеребца, которого Семен не сумел бы объездить, а посему – и ни одного соратника, не уважающего его.

Всем он старался помочь, молодых обучить – не угрозами и насмешками, а кропотливыми объяснениями и примерами на собственном опыте. Юнцы только смотрели и удивлялись головокружительным скачкам и лихой езде Семена.

Когда ушел Семен в гвардию, затосковал Никанор и стал еще чаще заходить к Юзовым, делаясь то бедами, то маленькими радостными событиями, о которых сообщал в своих письмах сын.

В один из таких дней, когда пришла очередная весточка от Семена, прослезился Никанор и стал изливать свою душу пред Гаврилой. Хотя и давно жил Никанор рядом, а знали о его прошлой жизни мало.

– Э-э-эх! Была б жива Матрена! Жена моя, покойница. Вот порадовалась бы за сыночка нашего! – роняя скупые мужские слезы в подставленный бокал с вином, говорил Никанор.

Гаврила вздохнул. Сергей, сидевший рядом, виновато спрятал глаза, но не ушел.

– Судьба-то, она у всех разная, Никанор. Ты уж не огорчайся, живи тем, что есть. Не мудрено, что и поговорке поверишь: «Бог дал, Бог взял». Ты уж сильно не печалься. Люди еще хлеще повидали, и то живут. Каждый мирится со своим горем-то, – успокаивал его Гаврила.

– Так-то оно так. Да тяжело на душе всякий раз, как вспомню, что не уберег, недосмотрел и вовремя слов хороших сказать не успел. Так и ушла на тот свет, не услышав от меня ничего доброго, – продолжал кручиниться Никанор.

– Ох, ты и меня засовестил совсем. Признаюсь, что и в моей жизни грешок был. Не поделили мы с братом своим наследства и, разругавшись, покинули друг друга. А теперь что? Вот, получил письмо от людей чужих. Помер браток, а так и не свиделись, – Гаврила тяжело вздохнул.

Никанор, видно, заинтересовался историей друга.

– А ты хоть узнавал об нем? Может, дети у него? Внуки? Ты хоть грехи замолить съездил бы. А может, и меня взял бы с собой. На Псковщине, говоришь, жил братец?

Гаврила кивнул.

– У меня там знакомые купцы живут.

– Я уже сам об этом подумал, – сказал Гаврила.

Они долго еще сидели за столом, изливая друг другу душу.

Гаврила вспоминал брата, а Никанор, от одиночества и незаживающей раны, разговорился до полуночи.

– Ох ты, батюшки! – стукнул себя кулаком по лбу Никанор, взглянув на часы. – Ты чего ж меня не гонишь? Вам ведь завтра во дворец, а я тут как перепелиха трещу! – он суетливо засобиравшись и, выплянув в окно, стукнул себя еще раз. Уже на пороге он обернулся и сказал:

– Ты ента... про меня-то не забудь, коли надумаешь на Псков двинуть. Ага?

– Конечно, Никанор, конечно, – Гаврила устало зевнул и потянулся.

В письме, автором которого был неизвестный писарь, сообщалось, что умершего Петра Юзова некому было и похоронить. Умер он на чужбине, не в родной стороне, и потому не сразу нашла скорбная весть семью его брата.

«За что пропал человек, никто не знает, – продолжалось письмо, – только вот схоронил я его в своей стороне и теперь пишу вам, чтоб знали, где ваш брат покоится. По делам торговым он здесь был, да что-то случилось у него. Все время какую-то женщину поминал, да не понял я ничего. Гаврилоу тебя зовут, Петро говорил. Все прощения хотел у тебя попросить перед смертью, да не успел. Ты уж прости и прими от него оберег ваш родовой. Надеюсь, в целости он до вас дойдет».

* * *

...Сергей видел сон. Но вот какой, вспомнить не мог. Что-то приятное. Утром за столом он рассказал матери об этом.

– Это тебя перстень направляет. Ты сны свои запоминай и не делай людям зла. Вот тогда ты и станешь богатым и удачливым.

– А что ж дядька Петро не стал, удачливым? Ведь богат был, – спросил Сергей.

– Ох, сыночек, не знаю я. Еще покойный дед ваш, отец Гаврилы и Петра сказывал, чтоб осторожней они были. В жизни своей зла людям не чинили и сами добро делали, вот тогда и придут к ним богатство и почести. Молил он их об этом и перед смертью самой наказал так. Видно, не слишком Петро к заветам отцовым прислушался, раз помер так, что чужим людям пришлось хоронить. Спаси, Господи, и сохрани, – испуганно молилась Варвара.

– Да-а-а, – протянул Сергей. Варвара повернулась к сыну и торопливо заговорила, глядя ему в глаза.

– Запомни, сыночек, и ты! Учись на ошибках своих, а не на чужих! Не забывай, какой смертью погиб дядька. И тебя сия участь ждет, коли против законов Божьих жить станешь.

– Что ты, мама! – он отшатнулся от Варвары и удивленно посмотрел на нее. Тревога промелькнула в глазах женщины.

* * *

Сергей вспомнил свое первое знакомство с людьми высшего света, случившееся как раз на первой выставке картин.

Кое-кто из них был даже их придворных, но, если честно, они мало интересовались искусством и еще меньше теми, кто был не из их, светского круга, хотя, не желая обидеть Тобольского, вежливо общались с Юзовыми.

Не сразу он заметил, что Вероника привлекла к себе внимание двух молодых людей – Андрея Петковского, сына владельца бумажной мануфактуры, и Дмитрия Гладилина, высокообразованного юноши, преподававшего математику в придворной школе. Она совершенно растерялась от такого внимания и постоянно посматривала на Сергея, ища поддержки. Тот лишь подбадривал сестру:

– Держись, сестренка, и выбирай с умом. Не промахнись, – говорил он. Она только недоуменно пожимала плечами, но ослепительно улыбалась, оказываясь в приятном окружении молодых и красивых людей.

– А где отец? – спросил Сергей у Вероники. Та завертела головой, выискивая в зале крепкую фигуру отца.

– Не знаю, только вот тут был.

– Пойду поищу, – сказал Сергей и стал лавировать в плотной праздной толпе. Вдруг его кто-то остановил. Он развернулся и увидел перед собой пышно одетого молодого человека – того самого гонца, что недавно приезжал к ним в дом.

– Не батюшку своего, случаем, ищешь?

– Его самого, – заносчиво ответил Сергей, предчувствуя что-то. Гонец заметил в глазах юноши холодный блеск и рассмеялся. Взяв Юзова под руку, он отвел его в сторону и сказал вполголоса:

– У распорядителя двора он. Понравились Его Величеству отца твоего деревяшки.

– Ты говори, да не заговаривайся! – рассвирепел Сергей. – Ежели деревяшки они, что ж государь император в них нашел?

«Их, богатых, не поймешь», – вспомнил он присловье матери и пошел прочь, надеясь на лучшее. Прогуливаясь вдоль красивых и ухоженных аллей, он всматривался в лица, вслушивался в умные речи, подмечая изысканные туалеты.

Сам он одет был не хуже присутствующих. Уж отец с матерью постарались, чтобы на таком приеме, первом в их жизни и, возможно, последнем, их дети не стали поводом для насмешек.

Статная фигура Сергея была уже замечена несколькими прехорошенькими девицами. Они, встав в тесный кружок, издали наблюдали за ним, обсуждая достоинства молодого незнакомца.

– Да, ты права, – изрекла известная сплетница Лилия Ворон, – хорош, да видно не из высоких кругов. Раньше-то его не видно было.

– Я смотрю, богачи с тебя глаз не спускают, – вставила шпильку Катерина Величковская. – Так что уж лучше сама на него посмотри.

– Хватит, дамы, непристойно это, – раздался голос скромницы Зои, младшей сестры Кати Величковской.

Пока они так беседовали, их разговор невзначай услышала молодая княгиня Екатерина Лиговская. Девушка, воспитанная в строгих семейных традициях, впервые попала на бал и никак не могла вникнуть в эту безудержную атмосферу праздника. Она тоже заметила Сергея, когда тот разговаривал с гонцом.

Именно это лицо видела она в рождественские гадальные ночи.

И пропало вмиг волнение, возникшее из-за незнакомой роскошной обстановки императорского двора. Екатерина почему-то подумала, что придется ей с связать с этим незнакомцем свою судьбу. Тяжелую ли, сладкую ли? Уже не важно. Главное, что нашелся ее суженый, и пусть говорят про него девушки, что небогат и незнатен, она его полюбит.

А потом словно, устыдившись дум своих, она быстро покинула зал и вышла в сад. Ведь помолвлена уже! Как же так? Ну и что из того? Только ведь сердцу не прикажешь! А суженый ее, Мордвинов Семен, самым императором к себе приближенный. Только из-за Семенова положения и согласился на этот брак ее отец Кирилл Лиговской, один из продолжателей дворянского рода и знаменитой фамилии. Он даже из брачного союза дочери хотел побольше полезного выудить.

– Мало ли как судьба обернется, – говорил Кирилл дочери, – может, Семен и до самого канцлера дойдет, на худой конец, пусть его государь около себя держит, – уже за императора рассуждал Кирилл Лиговской.

– Как же так, папа? Вдруг другой мне наречен! – пыталась достучаться до глухого сердца отца Екатерина.

– А сколько его ждать-то, нареченного твоего? Годы ведь идут, ты уж заневестилась. Думаешь, не заметил я, как вы с Семеном в гляделки играли? Вот и пойми вас после этого, – Кирилл добродушно хохотнул, убеждая девушку в правильности своих слов.

* * *

«Вот судьба и обернулась, папа. А ты не верил», – размышляла Екатерина, стоя на открытой веранде.

Девушка глянула в сторону, и сердечко ее забилося так, что боялась она выдать себя чем-нибудь. Сергей стоял рядом, совсем рядом и, казалось, не замечал ее.

– Чудный вечер, не правда ли? – Екатерина даже голоса своего не узнала. Сергей обернулся. Его синие глаза прожигали насквозь. Екатерина чувствовала легкое волнение, шедшее от него. Если бы он сейчас подошел поближе и дотронулся до нее, она бы, наверное, потеряла разум.

– Да, – ответил он и подошел ближе, – странно, что вы заговорили со мной.

Екатерина в недоумении подняла брови и пристально смотрела на него, ожидая разгадки его слов.

– Не сочтите мои слова за нескромность... – начала она.

– Не о том я вел речь, – перебил он ее и посмотрел будто прямо в душу. Екатерине показалось, что он даже мысли ее читает, и потому она опустила глаза, только бы не выдать себя.

– Вы, – сказал он тихим, вкрадчивым голосом, оглядывая ее с ног до головы, – такая утонченная, красивая и богатая девушка, и заговорили со мной, сыном ремесленника, у которого ни имени, ни родни знатной.

Екатерина растерялась, не зная, что сказать. Сразу видно, горд был юноша и даже своеправен. Такого не заставишь под чужую дудку плясать. Но это даже к лучшему.

– А вы не по имени судите, а по человеку, – ответила Екатерина и ушла. Знала, что никуда он теперь не денется от нее. Гаданиям святочным она верила.

Хотел он имя ее узнать, но в последний момент передумал. Как будто сила какая его оставила. В зале начались танцы. Сергей и Вероника не были обучены им и стояли в сторонке. Потом Веронику увел Андрей Петковский, испросив разрешения показать девушке оранжерею, а Сергей надумал выйти в сад.

Той прекрасной незнакомки уже нигде не было, и юноша, разочарованный таким поворотом дел, стал торопить домашних, чтобы быстрее уехать домой.

– Вероника, где отец? – с нетерпением спросил Сергей, когда сестра вернулась из оранжереи.

– Он велел уже подавать карету, – обиженно надув губки, ответила сестра.

– Ты чего кислишься? Потанцевала – и хватит, ишь, понравилось! Мала ты еще для таких балов, да и не про нашу честь все эти глупые реверансы и мазурки! – Сергей был рассержен веселым и счастливым настроением сестры.

По счастливой или несчастливой случайности, но встречу Сергея и Екатерины никто не видел. И потому остались они друг для друга незнакомцами. Случайная встреча была словно насмешка судьбы для обоих. Или подарок?

Екатерина, удрученная услышанным от незнакомца, сразу же отправилась домой с твердым намерением обязательно что-то разузнать о нем. Единственное, что она слышала о нем, это то, что его отец приближен был вчера к императору. Ей надо только выяснить, кто вчера был на аудиенции у государя, и из нескольких человек она сможет без труда определить нужного ей.

Глава 4

– Ты, отец, теперь строже за Вероникой следи, – ворчал Сергей по дороге домой. Сестра сидела, гордо вскинув свою хорошенькую головку, дерзко красивая и вызывающе молодая.

– С чего это ты вдруг о сестрице вспомнил? – иронично спросил Гаврила. – Нашелся воспитатель!

– О! Отец, я тебя прошу, только не о воспитателях и учителях! Не затрагивай эту болезную для нас тему! – ответил Сергей, искоса поглядывая на сестру.

– Дурак! И чего я тебе поверила? Думала, умнее стал, – Вероника отворила голубую штору на окне кареты и уставилась в беспроглядную темь.

– Ты, Вероника, меня так не обзывай, коли хочешь в дружбе жить. Совет дам, кто не со мной, тот против меня. Поняла?

Вероника лишь посмотрела на брата, как на полоумного и отвернулась.

– Все это шутки ваши, а завтра у нас дело серьезное предстоит, – подал голос из глубины кареты Гаврила.

Сергей тут же обратился в слух и память.

– Заказ? От кого? Императора? – посыпались вопросы на Гаврилу.

– Экий ты быстрый! Заказ, но не от императора, а от дворянина одного богатейшего. Дочь замуж выдает и приданое нам заказать хочет, – Гаврила вытащил из-за пазухи документы, где было указано: сколько, чего, из чего, для чего. Заказ был крупный и сулил хороший барыш.

– Да, отец, – сказал Сергей, – работать придется всем.

– А ты как думал? – пряча бумаги, ответил Гаврила.

– А кто таков заказчик? – поинтересовалась Вероника.

– Кирилл Лиговской, – ответил Гаврила.

– Я видела его дочь сегодня на балу, – сказала Вероника, – очень красивая девушка, таких красивых и не встретишь, – она с ехидцей посмотрела на брата. Тот на ее слова не отреагировал.

Домой приехали уже под утро.

– Сынок, отдыхай пока, работать начнем сегодня, – объявил отец.

– Так ты не пошлешь меня на прогон плотов? – с радостью спросил Сергей.

– Нет, сначала посмотрю на тебя, родимого, здесь, тем более, Евдоким сейчас не работник. Может, тебе там и делать нечего, – с этими словами он вышел из кареты.

Сергей от радости готов был начать стругать стулья да столы для этого Лиговского прямо сейчас.

Ближе к полудню артель собралась и под руководством и полным контролем Гаврилы принялась за обработку заготовок для мебели. Вероника определила план и, обрисовав его на холсте, преподнесла мужчинам.

– Хорошо! Молодец, сестренка, – похвалил ее Сергей. Он стоял по пояс голый, и пот ручьями скатывался по его сильному и красивому телу. Волосы черными, мокрыми прядями спадали на лоб, делая его лицо еще более привлекательным и волнующим.

– Ты считаешь? – с недоверием спросила она.

– Этой спесивой дворянке и не снилась такая красота! – подтвердил свои слова Сергей и обнял ее. Да, в последнее время они стали близки друг к другу больше, чем ранее. Несмотря на размолвки, постоянные ссоры их что-то связывало. Крепкое, незримое, родное.

Их вновь возникшая дружба отразилась и на работе. Сергей оказался на редкость одаренным мастером по обработке и поиску нужных пород дерева для той или иной вещи. Раньше только Гаврила мог заниматься этим, а теперь у него появился достойный последователь. И отец не мог не порадоваться за сына, которого еще недавно мысленно отвергал.

Вероника и Сергей образовали свое маленькое, но очень продуктивное сообщество. Сергей, помимо работы над мебелью Лиговских, занимался подбором рабочих для своей собственной артели.

В спорах и криках рождалась истина и появлялись на свет по-настоящему красивые и изящные вещи.

Однажды за завтраком Сергей рассказал свой сон.

– Значит, вижу я людей. Их трое – девушка, я ее уже где-то видел наяву. Потом мужчину, богатого, но несчастного, и женщину, старую, дряхлую. Они все меня о чем-то просили. Так жалостливо, и я видел слезы на их глазах. Вот только о чем просили, не помню.

– Сынок, ты бы к Даниилу сходил. Он сны умеет разгадывать, – посоветовала мать.

– Некогда мне, мама. Сегодня приедет Лиговская смотреть на рисунки Вероники. Если она их утвердит, надо будет срочно приниматься за работу.

– Утром Никанор заезжал, весточку от сына получил. Скоро вернется уж, – перевела разговор мать на текущие проблемы.

– Письма! – Сергей выскочил из кухни и помчался в свою комнату. Он начал рыться в старых вещах и полках, под кроватью и за печью, но его поиски не увенчались успехом.

– Мама! Мама! Тот... старик... почтмейстер мне письма отдавал, просил, чтоб отправил я их! – горящими и полными надежд глазами он смотрел на мать.

Та лишь удивленно смотрела на него, не зная что сказать.

– Казакин... я его снял и куда же я его подевал? – разговаривал сам с собою Сергей и метался по дому, словно заведенный.

– В хлеве он! – вспомнила мать. – Ты его скинул за ненадобностью, а Гаврила утром в него ягненка больного завернул и отнес в овин. Ты поищи, поди, – говорила она вслед умчавшемуся Сергею.

Он все перетряс, пугая бедных овец и разгоняя хлопотливых кур. Наконец, из кучи соломы он вытащил свой старый потрепанный казакин. Письма были на месте, как будто только и ждали его. Станным показалось, что конверты были аккуратно вскрыты.

Сергей бережно взял письма и принес домой. Он сел на крыльцо и смотрел на эти пожелтевшие листы бумаги. Варвара оказалась рядом. Она сейчас понимала сына больше, чем он сам.

– Мама, он просил очень, – он посмотрел матери в глаза, – я должен их доставить, иначе... сон! – он посмотрел на кольцо.

– Иначе тебе несдобровать, – ответила за него мать.

Она вошла в дом. Сергей достал первый сложенный лист из конверта и принялся читать. Письмо начиналось так:

«Дорогой брат Григорий! Пишу тебе, потому как не осталось родных более никого. Если б не золото то проклятое, так и ушел бы под землю, ни с кем не простясь. Ты не думай, обида моя хоть и не прошла, но стала не такой уж горькой. Из-за сынов переживаю. Никого не остается у них после моей смерти, кроме тебя, а что они, отроки, могут с золотом делать? Так что прими братово богатство в наследство и заботу о моих сыновьях. Норову они разного, и трудно с ними бывает. Слов нет, Григорий, как мне не хочется просить тебя об чем-то, но жизнь заставляет. Ежели жива их матушка, Каренушка, может, сжалится, поможет им, все ж таки родные дети, не чужие. Если сможешь, приезжай или детей пришли, объясню и расскажу все, где лежит и как найти, авось, кроме меня не знает никто.

Твой брат Федор Тишка. Новгород. Старая Заславка».

Сергей перечитал письмо еще несколько раз и крепко задумался. Из его рук выпало второе письмо. На фоне грязных размыслов и пятен были видны только последние буквы фамилии, кому было письмо адресовано «...вской», и все.

«Здравствуй, милая! Спешу сообщить тебе о своих чувствах. На бумаге это выразить гораздо легче, чем сказать это тебе, глядя в глаза. Я ведь до сих пор не знаю, любишь ли ты

меня и хочешь ли со мною под венец пойти? Катенька, душа моя, ответь мне. Пусть холодной волной обдадут меня твои строчки, а я буду надеяться и только молиться за то, чтобы Бог помог мне достучаться до сердца твоего, и, возможно, мне повезет. А ежели совсем противен я тебе буду, не стану неволить. Живи, как сама того желаешь, только помни обо мне.

Мордвинов Семен».

Сергей даже удивиться не успел. Ведь он с самого детства знал Семена и отец его в дом Юзовых заход. Надо обязательно найти девушку, которой адресовал свое послание друг его детства.

– Сергей! Сергей, куда ты запропастился? Иди, Лиговские приехали, Вероника уж с ног сбилась, – закричал отец. Варвара выскочила на крыльцо.

– Мама! Сохрани письма, никому не показывай! Хорошо? – Сергей бережно передал письма матери и пошел к отцу.

Глава 5

Еще издали он увидел богатую карету с фамильным гербом на дверце. Толстый мужчина стоял, отряхивая сапоги из мягкой кожи от придорожной пыли. Кучер привязывал лошадей. Первым подошел к ним Гаврила.

– Здравствуйте! Милости просим, – добродушно улыбаясь, поприветствовал гостей Юзов. Сергей увидел, как старый Лиговской приветливо улыбнулся отцу и протянул свою огромную руку.

– Здравствуй, мастер золотой! Ты уж в обиде не будь, что так скоро решили заказ свой посмотреть. Дочери не терпится взглянуть на мастерство артели вашей, – похвалил он Гаврилу.

– Приятно слушать такие речи, но вы взгляните сначала и оцените. Может, и не по нраву придется. Не обижусь, ежели прямо скажете мнение свое, – Гаврила лукавил, преуменьшая свои способности.

– Ну что, дочка, выходи, просмотри, что тебе приготовлено, может, что-то изменить пожелаешь, али как...

Екатерина сидела ни жива ни мертва.

«Здесь должен жить он, если я все правильно рассчитала! Здесь!» – думала она.

Сергей приблизился к отцу и, почтительно поздоровавшись с Лиговским, обратил внимание на выходящую из кареты девушку.

«Бог мой! Она – Лиговская? Выходит замуж?» – чуть не вырвалось у него. Но сдержался, отвел взгляд, лишь воздух побольше в грудь набрал в ожидании. Да, он узнал прекрасную незнакомку, которую встретил на балу во дворце. Смешанные чувства боролись в нем, не находя выхода.

– Здравствуйте, – молвила она, глядя на Сергея. Он коротко кивнул.

Гаврила уже вел Лиговского под руку, рассказывая о своем деле. Они прошли вперед и, обернувшись, позвали молодых. Екатерина так и стояла на облучке, взволнованная и растерянная.

Сергей протянул руку и, изображая полное безразличие, грубовато помог девушке.

– Ты уж извини, не обучены мы манерам, – сказал он, оправдывая свою бестактность. Она только улыбнулась.

– Так значит, это ты приданое мне готовишь? – спросила она его.

– Да уж, не обессудьте, барышня, ежели что не по вкусу придется, – ядовито ответил он. Сам того не желая, он показывал себя грубым мужланом, на которого не действует девичья прелесть. Его словами и действиями словно кто-то управлял.

Но именно эта его манера поведения разжигала в Екатерине симпатию и нежность к нему. Как будто ей свыше дан был знак бороться за свое счастье, что она и намеревалась делать.

– Твоему вкусу я доверяю. Не зря же хвалят вашу работу, – прямо заявила она.

– Смотря кому и что делаем. Мы привыкли с простыми людьми дела иметь, а с дворянами, заказывающими приданое у нас, такого еще не было, – сказал он.

– Ну, а теперь будет, – уверила его Екатерина.

– И за кого же ты выходишь, – небрежно спросил он и почувствовал, что у него подкосились ноги, когда она спокойно произнесла:

– За Семена Мордвинова батюшка прочит. В фаворе он у императора...

Вот оно как сошлось! Всего только пару недель назад он узнал о существовании Лиговской, когда отец получил этот выгодный заказ, и только сегодня прочитал письмо своего друга к этой красавице, письмо, так загадочно попавшее в его руки. Надо же так сплестись событиям... И тут что-то заставило его произнести следующие слова:

– Ты меня прости, но пару ты выбрала себе неподходящую.

– Это ты о ком? – лукаво спросила она.

– О твоём суженом, – ответил он.

Она резко обернулась и посмотрела прямо в глаза Сергею, отчего тому стало как-то неуютно, но он решил идти по надуманному плану до конца, хотя сам не понимал, кто заставлял его так поступать.

– У него, как я точно знаю, сейчас другие проблемы. Семейные.

– Ч-что?! – еле слышно спросила Екатерина.

– Он женился на француженке, когда был в Париже, – солгал Сергей.

Екатерина сама не могла определить свои чувства, нахлынувшие на нее в этот момент. Она смотрела на Сергея, но совершенно не видела его.

– Откуда тебе это известно? – невозмутимо спросила она.

Сергей, прежде чем ответить на этот нелегкий вопрос, отвернулся к окну и призадумался. Екатерина приняла его молчание за состояние крайнего смятения.

«Он не хочет причинять мне боль, оттого и молчит, но мне нужна правда, какой бы горькой она ни была!» – решила Екатерина.

– Мы знакомы с ним с самого раннего детства, – начал Сергей, – и в юности были очень привязаны, потому он написал мне об этом раньше всех. Его интересует мое мнение, для него я вместо брата, и он... – Сергей обернулся к Екатерине и посмотрел в ее глаза.

Странно, она не испытывала потрясения от услышанной новости. В ее глазах Сергей заметил облегчение, как будто она вздохнула легкой грудью и освободилась от чего-то тяжелого и лишнего.

– Может, это и к лучшему, – тихо прошептала она и вышла, не глядя на Сергея.

«Да что же это такое? Что за наказание?» – корил собственный поступок Сергей. Он скинул одежду и принялся с остервенением стругать свежие березовые бревна, придавая им нужную для дальнейшей работы форму.

Устав, он присел на дубовый чурбак и задумался. В руке у него был нож и, чтобы как-то успокоить нервы, он стал выстругивать из полена фигуру. Мысленно он был сейчас вместе с Екатериной, которая удалилась к Веронике посмотреть эскизы, но руки помимо воли исполняли загадочный и умелый танец с ножом. Он не помнил, сколько прошло времени, но, очнувшись, резко обернулся, почувствовав пристальный взгляд в спину.

– Очень красиво. У тебя талант, – сказала Екатерина. Она выглядела уже не такой растерянной, когда выходила отсюда пару часов назад.

– Ты уже уезжаешь? – спросил он, отворачиваясь от нее.

– Да, скоро, мне... я... – она не знала, зачем пришла и что хотела сказать ему. Просто ноги сами привели ее сюда.

«Будь моя воля – никуда бы отсюда не ушла», – подумала она и чуть не сказала вслух, но вовремя спохватилась.

– Я попрощаться пришла, – наконец выдавила она. Сергей оставил работу, обернулся к ней и посмотрел с легким сарказмом.

– Хм, – он отвернулся и продолжал работу.

Она любовалась его телом. В спешке и волнении он даже одеться забыл, а теперь и не помнил об этом. Хотя на улице и дует осенний ветер, здесь, от трудов, ему жарко.

Она подошла к нему и дотронулась до обнаженной спины. Мелкая приятная судорога пробежала по его спине.

– Не надо, я прошу тебя, уходи, – простонал он, замерев на миг. Она прижалась к его спине всем телом и обвила его своими руками.

Ему было не под силу выдержать это испытание и он тоже обнял ее с такой страстью, что у нее закружилась голова. Он осыпал поцелуями ее лицо, шею. Скинув палантин с плеч,

он на мгновение залюбовался атласной белой кожей и нежно коснулся ее губами. Екатерина вздрогнула и уткнулась в его сильное плечо.

– Я не смогу без тебя! – прошептала она страстно.

Он немного отстранился от нее и посмотрел прямо в глаза.

– Я тоже, но у меня есть одно дело. Обещаю, мы расстанемся ненадолго, я вернусь, и тогда... – но она не дала ему договорить. Прикрыв его рот пальчиками, она только произнесла:

– Тш-ш-ш, ничего не надо загадывать, пожалуйста.

– Хорошо, – ответил он, глядя ее шелковистые волосы, в которых играли солнечные зайчики. Ему казалось, что ни одна сила не сможет теперь разлучить их. Она всегда будет принадлежать ему.

Обнявшись, они сидели на бревнах и беседовали друг о друге. Он поднял свою начатую безделицу и заметил, что из простого полена под его умелыми руками получилась женская фигура. Она взяла из его рук фигурку и, улыбаясь, смотрела на нее.

– Угадываешь? – спросил он.

– Да, милый.

– Ты будешь меня ждать? – спросил он, оставив фигурку.

– А ты скажешь, куда направляешься? Я мысленно буду следовать за тобой и оберегать в молитвах твой путь, – она вздохнула, ощутив его аромат, и поцеловала его щеку.

Сергей лихорадочно думал, что делать дальше. На душе было мутно, что оболгал друга детства ни за что, ни про что, а с другой стороны, только намеренно слышал в доме разговор, что приходил отец Семена и жаловался, будто давно нет от него вестей. И неизвестно, куда он делся. А тут еще это письмо, которое, как нарочно, именно сегодня попало на глаза...

– Ты же знаешь, о Семене ничего неизвестно. Я отцу его обещал либо найти его, либо судьбу его прознать. Всякое может быть. Вот и еду узнать, как живет ему в чужой стороне, – ответил Сергей, опустив голову.

Так в один миг он накинул на себя петлю лжи, хотя, если подумать, и смысла в ней не было. Ведь вон как потянуло их друг к другу... Значит, Семен ему не соперник, а его будто бес подтолкнул такое нагородить. А Екатерина до конца утвердилась в своем намерении любить этого человека и добиться его ответной любви.

– Что же батюшке сказать? – спросила она у Сергея. – Он ведь не знает ни о чем. Господи, помоги мне!

– Я помогу тебе, – твердо сказал он.

– А если клевета все это? Может, он раненый где лежит? Что делать тогда?! – в отчаянии спросила она.

– Ни о чем не беспокойся, – он погладил ее по волосам и приблизил к себе, – ты меня дождись и никому не верь.

Обещаю тебе первой все рассказать, и не обессудь, если правда горькой окажется. Не держи в своих мыслях обо мне скверны или злого умысла, но пойми меня, я даже рад, что так все случилось. Да, да. Ты удивлена? Расстроена?

– А если он придет, пока тебя не будет? – опять спросила она.

– Постарайся с ним не встречаться! – властно произнес он. – Если, конечно, ты дорожишь моими советами и считаешься со мной, поступи именно так.

– Конечно. Конечно, я все сделаю так, как ты просишь, и буду ждать тебя. Даже отец не сможет убедить меня поступить по-другому, – тихо сказала она ему.

Они тепло распрощались и Сергей проводил ее до ворот артели.

При выходе ее встретила Вероника. Не по годам умная девушка мудро решила дождаться Екатерину, чтобы вместе выйти, создав впечатление их совместной прогулки по артели.

– Что, совсем безнадежен брат мой? – тихо спросила Вероника у озабоченной Екатерины.

Та не нашла, что сразу ответить Веронике, как раздался громкий голос:

– Ну как, дитя мое, тебе понравилось? – спросил отец у Екатерины.

– Да, папа. Все просто замечательно. Вероника талантливая девушка, а вы прекрасный мастер своего дела, – комплимент из уст молодой и красивой княжны смутил Гаврилу, который стоял рядом.

– Дак не один я тут. Сыновья у меня дюже мастеровитые и деловые, – пытался справедливо распределить хвалу Гаврила, – да и работнички славные.

Кирилл от души улыбнулся во все свое большое лицо и, распрощавшись с хозяевами, Лиговские уехали. На прощание Екатерина подмигнула Веронике.

Глава 6

– Я уезжаю, и все! – пытался перекричать разгневанного отца Сергей.

Гаврила замолчал и посмотрел на Варвару.

– Что он надумал? – спросил он у нее, когда они остались вдвоем.

Та, к великому удивлению мужа, расплакалась.

– Он... завещание предсмертное обязался выполнить. Помнишь карету, что разбилась у серых камней? Ведь почтмейстер умер на руках у Сергея и просил перед смертью оставшиеся письма доставить.

– А что, на земле, окромя сына моего, почтовых людей, что ли, нет?! – кричал Гаврила, не соглашаясь с таким поворотом дел.

– Не кричи, отец, – спокойный голос Сергея заставил Гаврилу обернуться, – не кричи. Обещал я покойнику, и сдержу свое обещание. Ты бы тоже так поступил. С тех пор ведь немного времени прошло, а снится мне он каждую ночь, и люди снятся те, что вестей ждут, – закончил Сергей.

Гаврила успокоился. Он вспомнил, как сам несколько раз будил кричавшего во сне сына и какие он потом наутро страсти рассказывал. Он тяжело сел на лавку и, сняв с головы теплую шапку, ответил:

– Да, погорячился я, видимо. Извини, сынок. Ты просто порадовал меня за эти дни умением своим, вот и не хочу тебя отпускать, а это ведь тоже грех! О-о-ох! Беда мне с вами. Поезжай, ладно. Исполни последнюю волю покойного, а то, не дай Господь, чего еще случится на беду. Собери его, мать, в дорогу, да денег дай. Поезжай скорее и возвращайся с миром, – Гаврила махнул рукой и вышел.

Досадовал он на то, что со временем стало очевидным. Прав был средний сын, что ему-то в жизни больше всех повезет. Никто, кроме матери, не верил в него раньше, а теперь и Гаврила поверил в него. Только признавать не хотел. Оттого и тяжело на душе было сейчас у главы семейства, что не станет рядом отчаянно смелого советчика и одаренного мастера.

Когда тяжело было на душе, шел он в мастерскую и стругал там всякие мелочи: игрушки для ребятишек, простую посуду для соседских баб, да и так, по мелочи, на нужды дома. Вот и сейчас вошел он туда, и знакомый терпкий запах парафина, воска, смолы и свежееобтесанных бревен опьянил, окутал и успокоил.

* * *

Из дома Сергей выехал уже в конце декабря 1850 года. Незадолго до этого на Гаврилу посыпались заказы один другого выгоднее. Всем заказчикам надо было получить требуемое срочно, лучше, больше.

Сергей решил помочь отцу и остался дома до декабря. Евдоким чувствовал себя лучше, но работать все еще не мог. К тому же, видя, как отец переменял отношение к брату, старший сын уже не мог работать с той же отдачей и любовью, что и раньше. В прежние времена отец ценил его больше всех, и не было у Евдокима соперников. Да и завистлив никогда не был.

А теперь что-то мутило душу...

Был бы кто-то другой на месте Сергея, Евдоким еще бы потягался с ним умением и местом под солнцем, и отцовым расположением, но это был его родной брат.

Нет, не стал Евдоким меньше любить отца или брата. Гаврила всегда был для него примером мужества, честности и доброты. Евдоким беспрекословно слушал отца и поступал так, как и он. А когда отец влютую ненавидел Сергея, Евдоким поступал, как советовал отец.

– Это твой брат, сын. Ты можешь любить его, гордиться им и в конце концов можешь повлиять на него! – сначала говорил, а потом переходил на ругань отец. – Мне это уже не под силу.

И махнул тогда Гаврила на сына рукой. Отказался от него в душе, а Евдоким, не зная, как поступить, долго не мог определиться со своим отношением к брату, но в конце концов преданность к отцу победила. Он тоже стал считать Сергея пустым местом.

А теперь? Что нынче делать, когда так резко поменялась судьба? Евдоким чувствовал предубеждение против брата, и поменять это отношение ему было сложно. Он продолжал считать Сергея беспутным и никчемным. И очевидные перемены в нем пока его не переубедили.

«Неужели и вправду перстень родовой такую силу имеет?» – уже в отчаянии от необъяснимого раздражения, думал Евдоким, но эту мысль тут же вытеснили другие. Ненадолго забыл он о перстне... Перед самым отъездом Сергея, когда он помогал отцу в мастерской, случилось нечто необъяснимое.

* * *

С вечера артельщики ушли по домам, не разобрав только что привезенный лес. Гаврила приказал Сергею и Веронике определить, сколько и каких пород деревьев завезли плотгоны.

Юзов-старший был уверен, что они вдвоем справятся. Дело-то не новое. Евдоким же, почувствовав себя лучше, решил помочь брату и сестре.

В печи, где сжигали мусор, догорал огонек.

– Сергей, – обратилась Вероника к брату, – давай картошку испечем. Что доброму огню пропадать?

– Давай, – ответил Сергей, и через минуту уже разжигал огонь в печке. Евдоким стоял поодаль, чтобы никто его не видел. Ему было интересно посмотреть, каковы отношения между Вероникой и Сергеем.

Вероника умчалась домой, а Сергей по неопытности оставил печь открытой. Но ведь все знают, что печь в мастерской нельзя оставлять так! Особенное строение дымохода помогало разгораться огню при открытых дверцах с бешеной силой, если на улице был хоть мало-мальский ветерок.

Об этом и хотел предупредить Евдоким, видя, что сейчас спина брата загорится. Но каково было его удивление, когда он увидел, что огонь, вот-вот готовый переметнуться из печи на рубашку брата, вдруг отступил. Будто бы извиняясь за причиненные неудобства, пламя покорно спряталось в печи, тогда как вытягивающая сила из-за ветра гудела на все лады и обещала вот-вот вырваться наружу.

Сергей, как ни в чем не бывало, повернулся к печи и стал спокойно копаться в ней. Словно это был простой лесной костер.

– Ты бы осторожнее с печкой-то, – пробубнил Евдоким, входя в мастерскую.

– А, это ты. Помочь пришел? – пропустив предостережения брата, спросил Сергей. Тут возвратилась Вероника и они втроем стали печь картошку. Они еще долго сидели в мастерской, обсуждая путешествие Сергея.

Но история с «испуганным огнем», как этот случай для себя назвал Евдоким, не забывалась. Сколько раз за вечер вспоминал он метнувшееся обратно в печь пламя и не мог не удивляться. Огонь словно боялся Сергея. Он грел его, но не обжигал.

Евдоким хотел было спросить о том, что видел, но почему-то не смог. А Сергею в ту последнюю ночь перед отъездом приснился странный сон. Будто тонет он в луже, и никто его не спасает, и такое отчаяние охватило его, что сил нет.

Вдруг откуда-то появляется ангел и садится рядом с тонущим. Чистый взгляд голубых глаз заворачивает Сергея, и уже не кажется ему смерть такой странной и страшной. А ангел

вздыхает и печально смотрит на него. Потом протягивает ему руку и хочет помочь, но, заведя на пальце перстень, который к тому времени алым светом озарился, тут же исчезает на своих легких и прозрачных крыльях, а вместо него появляется седой и мрачный старец.

«Вот и свиделись, – молвил скрипучим голосом старик. – Думал я, затеряется нить родственная и никогда колечко хозяина своего не сыщет. Ан нет, сыскался ты, ну и ладно. Ты колечко-то береги. С самых старых и далеких времен служит оно роду нашему. Служит по правде и справедливо. Коли хорош человек, будет оно помогать ему всю жизнь. Что бы не задумал хорошего и полезного, все исполнится. Но берегись, коли сделаешь что-либо против людской доброты! – старик поднялся и Сергей отчетливо увидел в его глазах слезы. – Не простит колечко ни одно преступление твое! Не грехи, не обижай малых! Не срами род свой постыдством и поступками злыми! Не грехи!» – и тут старик исчез, а Сергей увидел себя у отчего дома.

Он решил никому не рассказывать о своем сне. Все это казалось ему очень личным и глубоко запало в душу.

Глава 7

Так как письмо Федора Тишки оказалось без адреса, Сергей решил доставить его обратно в Новгород, в Заславку, откуда оно и было прислано.

– Узнаю точно адрес и отвезу обратно, – сказал он матери.

– Это ж путь какой?! – всплеснула руками Варвара. – А, может, в чужеземную сторону письмо?

– Мама! Я слово дал! И я его сдержу. Только сначала надо Федора Тишку заставить живым и в здравой памяти, вот потому и тороплюсь, – ответил он матери.

С той поры, как к Сергею попало кольцо, он понял, что в нем поселился еще один человек. Может, это было каким-то помешательством, но со временем он все отчетливее ощущал внутреннее присутствие кого-то. Знал он также, что никто ему не поверит, и потому никому не рассказывал об этом. Он просто прислушивался к чужому голосу и поступал, как велел старец.

– Ступай с миром, с ним же встречай и провожай людей, – говорил старец во сне Сергею, а потом он уже услышал эти слова от отца.

«Наверное, это какой-то родственник, пращур, которому принадлежало кольцо. И теперь он хочет охранить меня через семейный оберег», – думал он.

Предстоящая дорога в Новгород только радовала Сергея и наполняла сердце новыми необъяснимыми чувствами. Так и хотелось всем рассказать, что он ощущал сейчас. Силу. Огромную, способную сокрушить горы и переменить мир.

Мысль об Екатерине не давала покоя. Даже во сне стала сниться ему эта девушка и их будущая семья: богатая, знаменитая. Себя видел, да таким, что порой поутру муторно становилось от этих несбыточных снов.

«А почему несбыточных?» – спрашивал во сне незнакомый голос.

«Так не мое же золото!» – начинал спорить с ним прежний Сергей.

«А кто об этом узнает? Приди к Федору Тишке и племянником обозначься, а сам золото себе оставь или отвези, кому положено», – советовал голос.

«А может, это и есть мой шанс? – спрашивал сам себя Сергей. – Пойду я к тому Федору, представлюсь племянником и золото заберу. Какую-то часть оставлю себе, а какую-то верну его брату».

И, наконец, он решился на этот шаг. После сна, где привиделась ему жизнь его безбедная, уверился он в правильности своего поступка.

«Это кольцо дает мне первый шанс. Дарит мне богатство, на блюде преподносит, а я тут от дум маюсь. Ведь такого, может, больше не случится, и останусь я тогда весь свой век в нынешнем положении коротать. А со старика не убудет!» – довольный своим мыслям, он погнал усталых коней быстрее.

В маленьком городишке Сырец Сергей увидел много военных. Обозы с людьми и провизией возвращались из Бессарабии. Уставшие, но счастливые служивые торопились к своим семьям.

Сергей остановился у одного из биваков и попросил приюта на ночь.

– Что ж, присоединяйся, коли не брезгуешь, – ответил бородач.

– И далеко путь держите, служивые? – поинтересовался Сергей, выкладывая на общий стол снесь.

– Домой. В Москву, – ответил молодой бравый вояка.

– А я оттуда, – сказал Сергей, и тут же на него посыпались вопросы о городе, по счастливой случайности нашлись также знакомые знакомых. Кто-то кого-то знал, и Сергей быстро нашел общий язык с солдатами. Один из солдатиков, Иван, отвечая на какой-то вопрос Сергея, вдруг вспомнил что-то:

– Скажи, а Мордвинова Семена ты случаем не знаешь?

– Да, знаю. Сосед он мой, – ответил Сергей.

Служивые на миг замолчали. Сергей понял, что что-то произошло, но расспрашивать не стал. Был уверен – они сами расскажут все.

– Он мне последнее письмо читал от отца своего, и из него я и узнал о ваших Снегирах и отце твоём, прославленном мастере, – Иван с любопытством смотрел на Сергея. – И куда же ты путь держишь в такое время?

– Да дело у меня одно есть в Заславке, – дальше распространяться Сергей не стал, а спросил про Семена Мордвинова:

– А Семен где? Почему не с вами? Хотел бы я его увидеть.

Лица служащих помрачнели.

– Пропал он. Не сдался, и среди раненых и убитых нет его, – ответил Иван, – а куда подевался – не ведаем.

«Как странно, – подумал Сергей, – видимо, мне и вправду кто-то помогает. Вот и Семен канул».

Через полчаса все улеглись и заснули крепким, беспробудным сном, на который способны только взрослые и уставшие мужчины – солдаты, защитники, кормильцы. Только Сергей всю ночь мучился от беспокойного чувства. Не давал покоя вопрос, что с Семеном? Неужели так и пропал парень? Ему было жаль Никанора, который с таким нетерпением и радостью ждал весточек от сына. Такая новость загонит его в могилу. Но, с другой стороны, Екатерина Лиговская теперь по-настоящему свободна, и он, Сергей, может по совести любить ее.

Спрятанная глубоко в душе, подлая радость теснила его грудь.

– Хлопцы! – обратился он наутро к приютившим его солдатам, – я знаю, что вы служили с Семеном бок о бок и много хорошего можете рассказать о нем, но просьба моя такая. Весть об его пропаже или смерти сильно подкосит отца. Никанор захож в наш дом, и потому разрешите мне о столь печальном известии рассказать Никанору. Мы люди простые и поймем друг друга, и поддержим его, тем более, что всю жизнь с ним в соседях живем.

Суровые лица солдат ничего не выражали. Они считали своим долгом оповестить семью погибшего, но делать такой неудобный крюк по дороге домой тоже не слишком хотелось, очень уж они стремились к родным местам.

– А семья-то у него... – хотел было спросить ротный, но Иван его опередил.

– Рассказывал мне Семен, что мать его померла много лет назад, а больше, кроме отца, никого нет у него, – печально произнес он. Сергей лишь кивнул в знак согласия.

– Надеемся, ты действительно человек честный и добрый? – серьезно посмотрел на него ротный.

– Это не мне судить, – ответил Сергей, слегка обидевшись на недоверие солдат.

У Вышнего Волочка они должны были разойтись. Ночь застала их в чистом поле, где ночевать можно было только под открытым небом.

– Волки воют, – мрачно заметил бывший егерь Лукич.

– Мы заметили, – процедил недовольно ротный. И вправду, отовсюду слышался вой волков. Вдалеке чернел лес и, видимо, здесь были пастбища. Утоптанная земля красноречиво свидетельствовала об этом.

– Надо бы дальше пройти, может, жильё какое попадетсЯ, – предложил один из солдат.

Через час с небольшим пути они и вправду отыскали заброшенный, но целый амбар. Проверив его, они убедились, что в нем можно, ни о чем не заботясь, проспать всю ночь.

Одна проблема была – холод. Но и она быстро разрешилась. Солдаты решили разжечь костер и по очереди дежурить около него всю ночь.

– Как раз и одежонку можно просушить! – заметил ротный, и все тут же принялись за дело. Всем хотелось быстрее завалиться спать. Вскоре костер затрещал ивовыми ветками и языки пламени вознеслись в высь, освещая огромный амбар.

– Тепла от него, конечно, маловато, но хоть не без этого вовсе, – сказал ротный, видя, что не всем такой костерок по душе. Караулить огонь оставили молоденького солдата-первогодка, настрого наказав ему не спать, а уж если невмоготу будет – чтобы разбудил кого-нибудь, и уже через десять минут после скудного ужина со всех сторон от костра послышался удалой храп бравых солдат.

Сергею же не спалось. Он долго ворочался, а потом вдруг увидел, что караульщик не совладал со сном, и подсел к костру поближе и задумался. Пламя отбрасывало на противоположную стену непонятные рисунки. Казалось, дай ему голос, и оно расскажет много интересного. Вдруг Сергей почувствовал, что понимает язык танцующего огня.

Огонь рассказывал о вечности бытия, о властелинах тьмы, которым поклоняются лишь отчаянные и храбрые люди. По сути своей, одиночки, затерявшиеся в стихиях чувств и желаний.

Завывающий ветер за стенами потихоньку утихал, и Сергей ощутил полное слияние с природной стихией. Это был переход в иное состояние. Душа унеслась далеко от этого мира, тогда как тело продолжало свое существование здесь.

Он чувствовал себя как во сне, но точно знал, что это явь. Одной рукой он подбрасывал поленья в костер и не сводил глаз с яркого пламени. Оно завораживало настолько, что Сергей уже не мог совладать ни с собой, ни с силой, ввергнувшей его в этот ступор.

Глазами он видел, что делает совершенно непростительную вещь, но остановить его уже никто не мог. В голове осталась одна мысль:

«Твой соперник должен исчезнуть окончательно! О его судьбе никто не должен узнать, кроме тебя! Посмотри в свой перстень, и он расскажет тебе о нем, но никто кроме тебя не будет знать о нем! Никто!»

Сергей опустил голову и принялся рассматривать камень, обрамленный в колечко. Вдруг из-за пелены красных отблесков ему привиделось лицо Семена. Он был в крови, порванная рубаха и перевязанные руки говорили о том, что он находится в плену. Потом открылась другая картина. Семена пытаются, но он стойко переносит все мучения. Наконец, человек в незнакомой одежде стреляет в Семена, и тот падает.

Сергей хотел закричать от увиденного, но не смог. Он откинул голову и понял, что презрительно улыбается.

– Слабак! Так глупо умереть! – произносят его губы. Он огляделся и, убедившись, что его никто не слышит и не видит, подложил в костер пару бревен, которые предназначались для растопки на всю оставшуюся ночь.

Потом в огонь полетели валенки, камзолы и вся остальная одежда, сушившаяся над костром. Сергей отодвинулся подальше от костра, припал спиной к маленькому надпольному окну и впал в какое-то мистическое забытие.

Солдаты, спавшие на летнем сене, умерли, даже не проснувшись. Они просто задохнулись во сне от дыма, который распространился от влажного тлеющего сена и горящей одежды. Огонь перекинулся на дощатые стены огромного амбара и сжег его в одночасье вместе со спящими путниками. Спаслись только ротный Ефим Смирнов и Сергей Юзов. Ротный спал ближе к маленькому окну, на их счастье оставшемуся открытым. Когда они очнулись, сразу поняли, что случилось. Ефим кинулся было спасать солдат, но Сергей его остановил.

– Ты что?! – кашляя, орал он. – Их уже не спасти! Нам надо выбираться самим! – с этими словами он выволок Ефима через маленькое окошко, двумя крепкими ударами ног сделав проем большим.

С трудом выбравшись из горящего амбара, двое спасшихся свалились в овраг и, лежа под падающими снежинками, долго еще не могли прийти в себя. А Ефиму этого и не хотелось вовсе. Как только вспоминал о ребятах, погибших в огне, он рассыпался в проклятиях. Погоревав о судьбе своих солдат, он решил уехать в Петербург и устроиться там в Семеновский полк.

– Как мне теперь объяснить родным погибших, что произошло? – плача, спрашивал он сам у себя.

– Да-а-а, – мрачно протянул Сергей, – не думаю, что начальству или родне погибших твое спасение покажется чудом.

Ефим оглянулся и со злостью, присущей несчастным людям, посмотрел на Сергея. Тот в свою очередь с интересом рассматривал обгоревшие остатки амбара. Никто из них не решался подойти ближе.

– И что ты намерен делать? – с подозрительной ухмылкой спросил Сергей. – Поедешь и расскажешь начальству о несчастном случае, от которого твои солдаты угорели? Как ты думаешь, что тебе ответят?

– Заткнись! Заткнись, ублюдок! – Ефим прекрасно осознавал, что ему не оправдаться. Если бы не было Сергея, можно еще как-нибудь извернуться и что-то придумать, но...

Но вот он, свидетель его недосмотра, да еще такой острый на язык. Ефим мог бы уехать надолго в чужие земли и, возвратившись потом на родину, сказать пленным. Можно придумать много чего еще другого... От одного только не избавишься – от мук собственной совести.

– Думаю, у нас есть способ договориться с тобой, – прервал размышления Ефима Сергей.

– И как же? – понимая крайне щепетильное положение дел и принимая игру собеседника, спросил Ефим.

Сергей, шагая по дымящимся головешкам, медленно приближался к Ефиму. Тому стало нехорошо от его взгляда. А еще дурнее стало, когда Ефим увидел, как пламенеющие головешки рассыпаются перед тем, как Юзов наступал на них.

– Ты должен просто молчать, когда кто-нибудь спросит тебя о Семене Мордвинове. Просто молчать. Ясно?

Ефим недоуменно глядел в глаза Сергея и понимал, что поступит именно так, как сказал этот человек. Иначе... иначе он сам не мог определить, что его ждет. Он запутался в хаосе своих мыслей. В этот момент он был согласен на все, лишь бы оказаться подальше от этого, вдруг показавшегося ему страшным человека.

– Да. Я сделаю, как ты просишь, но и ты должен забыть обо мне. В твоих рассказах я погиб вместе со всеми, – произнес Ефим.

– Ты и не был в моей жизни никогда, – ответил Сергей и, развернувшись, пошел прочь.

– Значит, мы договорились? – робко крикнул вдогонку Ефим.

Ухмыляясь, Сергей ответил медленным кивком.

Глава 8

Дальше путь Сергея был однообразен и не слишком отягощен неприятностями. Ничто не тревожило и его совесть, только вдруг подумалось, что однажды придется еще ему встретиться с Ефимом Смирновым, но нескоро это произойдет.

Переплыв на пароме озеро Ильмень, он оказался в Новгородской слободе, где ему предстояло найти семью Тишки. Но сначала решил передохнуть в постоялом дворе, расположившемся на живописнейшем берегу озера, а утром начать поиски. К вечеру ко двору начали съезжаться люди со всех сторон. Кто менял лошадей, кто переночевать, кому деваться некуда. Харчевня вскоре заполнилась гомоном пьяных извозчиков, грубыми окриками господ, оханьем барышень, визгами детей, и ко всему этому сумасшедшему ору примешивались звуки, издаваемые животными и птицами.

– Барин ужинать изволит? – спросил добродушный толстенький хозяин двора, видя, что Сергей уже давно сидит и безучастно лицезреет эту бестолковую суету.

– Да хотелось бы, но ваши люди не слишком торопливы, – заметил Сергей.

– Да ну что вы! Вы только посмотрите, сколько сегодня народу! Это ж надо такому случиться, мы не ожидали, просто теряемся, – он быстро смахнул со стола крошки и, довольно щерясь желтыми зубами, выжидающе смотрел на Сергея. Было видно, что ему некогда и нет желания раскланиваться перед молодым постояльцем, но положение обязывает. Надо отдать ему должное – со своей работой он справлялся отлично и быстро.

– Я хочу рыбы, много рыбы с зеленью, вина, остальное на ваш вкус, – сказал Сергей и отпустил наконец хозяина.

Утром он нашел дом Тишки Федора и, постучавшись, вошел. Чувствовалось, что богат дом, но неуютен. Оттого, что бабы, наверное, не было в нем. Ему навстречу вышли два отрока лет по семнадцать. Оба один другого отражение.

– Кого Бог принес? – послышался из глубины дома старческий больной голос, прерывающийся кашлем.

– Мне бы Федора Тишку увидеть, – неуверенно начал Сергей, но уже спустя мгновение сообразил, как ему действовать. Он принял решение идти до конца и стать обладателем золота. Коротко представившись отрокам, он тут же попросил проводить его к больному. Подойдя к постели старца, он заговорил подробнее:

– Я Григорий, брата вашего сын. Весточку получил и решил навеститься, – Сергей тяжело вздохнул и, посмотрев на старика, продолжил, чувствуя, чего именно ждет от него старик. – Не за золотом тем проклятым, про которое отец мне перед смертью сказывал, а так, от души. Поклониться и от отца покойного поклон и прощение передать, – такая грусть и жалость звучали в словах Сергея, что на минуту он сам поверил в то, что говорит.

Федору же стало совсем плохо. Весть о кончине единственного родного человека составила его еще больше:

– Ш-што-ш, скоро, значит, свидимся. А тебе большое спасибо, что приехал дядьку проводить на тот свет. Видно, не рассказывал тебе Сидор о вражде нашей, раз обиды в твоих речах я не нахожу, – Федор опять зашелся в тяжелом кашле.

– Ничего не рассказал, а просто прислал к тебе, чтоб заместо отца почитал и к братьям как к родным относился, – опустив глаза, сказал Сергей.

– А письмо-то, про письмо сказывал? – спросил Федор торопливо.

– Да, нет. Письмо он сразу порвал и сжег. В словах твои вести пересказал, что прощения просишь и увидеть хочешь. Вот и прислал меня. Я только за ворота, а отец... – Сергей опустил голову, переживая за смерть чужого человека.

«А может, и жив он? – спросил он себя. – Коли жив, отвезу клад – и дело с концом».

– А про клад не сказывал ничего? – шурясь от мутного солнечного света, заглянувшего в комнату, спросил Федор.

– Нет, – соврал Сергей и добавил, – ты мне, дядя Федор, можешь не верить, но приехал я сюда по доброй воле и по просьбе отца своего. Никакого золота мне не надо, я родственников хотел увидеть. Остался один на свете, как перст!

– Ну, ты это ладно! Не кипятись. Мало ли чего старику в голову взбредет, а ты и слушаешь, разинув рот. Пока я жив, расскажу про клад, что затерян был отцом нашим. Но это потом, ты пока иди, иди, отдохни и поешь. Потом будем говорить, – Федор позвонил в колокольчик и тут же вошла пожилая служанка. Сергей вышел вместе с ней. Молча поел и вышел из-за стола, поблагодарив за заботу.

В большой гостиной комнате он увидел отроков, которые читали что-то, углубившись в свое занятие.

– Я бы с вами познакомиться хотел поближе, – сказал Сергей. Две пары глаз устремились на него.

– Садитесь и расскажите о себе, – предложил один и представился, – Алексей, а это мой брат Андрей.

Сергей заметил, что второй брат, Андрей, очень уж хитер и непрост. Он держал во рту перо и внимательно рассматривал Сергея, как будто искал какое-то сходство, не веря в родство.

– Что смотришь так? – заметя недоверие Андрея, спросил Сергей. Тот заколебался на миг, но, взяв себя в руки, ответил:

– Ведь родственник ты наш единственный, вот и гляжу, не могу насмотреться, – ехидства и злорадства в голосе Андрея было больше, чем волос на голове.

– А-а-а, – протянул Сергей, – не веришь мне!

– Мне-то что, это ты приехал, за кладом, поди. Это у тебя интерес к нам, а не у нас к тебе.

– Андрей! – грозно прикрикнул на него Алексей, – это наш старший брат, мы должны почитать его.

– Кроме отца и тебя, Алеш, у меня никого нет. Уж изви-ни-те, – съерничал Андрей и вышел.

– Да-а-а, – протянул удивленный Сергей, – с норовом братец мне достался!

– Он не всегда такой. Ты уж его прости, переживает он сильно за отца, вот и бесится. Недавно служанку нашу, Агафью, так до слез довел, что ушла она от нас. Пришлось другую нанимать. Он не ругается, не дерется, но вот как начнет что-то выговаривать – хоть беги от него! – Алексей засмеялся, видимо, вспомнив серьезного брата.

– Не по годам серьезен и проницателен. Это хорошо, с таким братом не пропадешь! – заверил Алексея Сергей и пошел спать.

Да, Андрей оказался не так прост. Хоть и рассказал Федор Сергею о кладе, а значит, признал за своего, помучиться ему пришлось изрядно. Вопросы Андрея, рассуждения, колкие замечания постоянно выбивали его из колеи.

Как только Сергей начинал заговаривать о кладе, каверзные замечания Андрея тут же отбивали охоту даже взглянуть на золото.

– Ты бы лучше нам про дядьку нашего рассказал. А то ведь твое прошлое для нас – пустота, настоящее – пустыня, где ты скиталец, а уж будущее у таких людей, как ты, – ничтожно!

– За что же ты так меня возненавидел? – спросил как-то Сергей.

– Я тебя? – засмеялся Андрей, – мне тебя жалко. Ты пытаешься построить свою жизнь с помощью других. Ищешь золото, страдаешь, переносишь лишения, тяжелую дорогу, мой сарказм – и ради чего?

– Тебе легко говорить! У тебя все это есть, а у меня ничего! – ответил Сергей.

– А ты попробуй как я! Собери все свое внимание на том, что есть, а не на том, чего нет, и поймешь, что сможешь удовлетвориться меньшим!

– Нет уж, только после вас! – резко ответил Сергей и встал. Ему надоел этот умник.

И, как всегда, Алексей ругался с братом из-за него, а Андрей ухмылялся, глядя в глаза Сергею с вызовом и торжеством.

«Ну, ничего! Недолго тебе издеваться надо мной! Скоро я над тобой так поизмываюсь, сразу обо всем вспомнишь! Стервец!» – с ненавистью думал Сергей, в тоже время снисходительно улыбаясь и прощая его вслух.

Заметил также Сергей, что люди они богобоязненные и частенько посещают церковь, проводя там предостаточно времени в молитвах.

Перед смертью отца братья решили отслужить всенощную. Федор уже вот-вот должен был отойти в мир иной, и потому братья рьяно били лбами во всех церквях, раздавая дань налево и направо.

– Не бойсь, не твоим золотом расплачиваемся! – ехидно заметил Андрей, – твое при тебе останется. Только батюшкиной смерти дождись, а потом, – Андрей вдруг нагнулся к лицу Сергея близко-близко и шепотом добавил: – потом уезжай! Мне все равно, кто ты есть на самом деле! Я тебе не верил и не верю!

И ранней весной, в марте 1851 года скончался Федор Тишка в своей постели. Тихо и спокойно умер во сне.

Похороны были пышными, провожать его пришло столько народу, что у Сергея даже голова стала кружиться. Вот где показал свой характер и выдержку Андрей, тогда как Алексей убивался по отцу и не мог быть помощью и опорой брату, во сто крат больше переживающему по покойному. Он по-взрослому мудро распоряжался всем – от организации похорон и приготовления блюд до размещения приехавших знакомых и дальних родственников в доме и у соседей, великодушно представивших свои услуги.

«Молодцом держится!» – по-настоящему восхищался им Юзов, и ему показалось, что Андрей на него похож, а, может, он просто принял желаемое за действительное.

Это было самое тяжелое время для него. Он чувствовал себя отвергнутым и ненужным. Андрей явно и красноречиво игнорировал его присутствие, объясняя знакомым, что Сергей просто дальний родственник, которому Федор обещал что-то в наследство.

Приехавшие на похороны тут же забывали о нем и продолжали свои беседы между собой. Ведь они столько не виделись! У кого сколько детей? Кто умер? Кто женился? и т. д.

Все это было неинтересно Сергею, он предпочел оставаться в стороне от общих тем. Мало ли кто мог распознать его. Россия-то большая, но везде встречаются знакомые люди! Он не хотел бы увидеть здесь знакомых.

После отъезда многочисленной родни Андрей, с присущей ему серьезностью, пригласил новоявленного брата в кабинет отца.

– Чтобы принять часть наследства, тебе надо кое-что подписать и ознакомиться с завещанием, – сухо сказал он.

У Сергея почему то перехватило дыхание, он в растерянности остановился и посмотрел на Андрея.

– Хорошо, – наконец выговорил он.

– Садись, выпей чего-нибудь, – предложил Андрей.

– А Алексей где? Он что, не будет присутствовать при оглашении завещания? – обретя спокойствие, спросил Сергей.

– Это не твое дело! – отрезал Андрей.

Через несколько минут пришел адвокат Макарьев и стал читать завещание, сдабривая слова кашлем, чиханьем и сморканьем. Сергей, закинув ногу на ногу, молча вслушивался в

гнузавый голос адвоката. Андрей был сдержан и не по годам серьезен. Он не сводил глаз с листа бумаги, который дрожал в руках Макарьева.

«Сим, находясь в твердом уме и здравой памяти, прошу волю мою исполнить и сыновьям наказ даю: не обидьте брата своего и последуйте всем моим указаниям. Много я творил чего на свете и знаю, что откуп мой не слишком чист...»

– Хватит! – перебил адвоката Андрей и вскочил с кресла. Он выхватил из рук Макарьева бумагу и подошел к оторопевшему Сергею.

– Ты услышал, чего хотел? Нет, я тебе и так скажу – мой отец ни перед кем не виноват и никому ничего не должен!

Прими это проклятое золото как... – он несколько мгновений не мог подобрать подходящих слов, – как подарок! – Андрей гневно посмотрел на Сергея, сидевшего словно изваяние.

Адвокат вышел, бурча под нос что-то типа «нельзя просьбу покойного оставлять невыполненной», но Андрей щедро наградил его наличностью, и Макарьев испарился.

– Мне непонятно, – начал Сергей после продолжительного молчания, – чего ты так взъерепенился?

– А как мне поступать еще? Жену моего отца, то есть нашу мать увел у отца родной брат! Потом оказалось, что у нее есть ребенок! Это, конечно, ты. И что же получается? Отец вместо того, чтобы плюнуть на вас всех, отдает тебе часть наследства?!

– Ну и что? – спокойно спросил Сергей. – Твой отец самый благородный человек на всем свете. Ты еще слишком молод, чтобы это понять, а он знает, что делает!

Андрей внимательно выслушал его, буравя зелеными глазами. Левая щека нервно подергивалась всякий раз, когда он переводил взгляд.

– Я переживаю не из-за того, что он так распорядился нашим наследством, а от того, какой характер проявил при этом. Я никогда бы так не поступил! Я не прощаю обидчиков! – резко сказал Андрей.

– Я это уже понял, – улыбаясь одними глазами, сказал Сергей.

– И сделаешь надлежащие выводы, надеюсь, – добавил Андрей и вышел, оставив Сергея в раздумьях.

Глава 9

Через неделю он уже был на обратном пути из Заславки и от всей души благодарил Бога за то, что удалось так быстро приобрести богатое наследство. Пусть чужое, но зато теперь он богат! Он может жениться на Екатерине, если она, конечно, забыла Семена Мордвинова.

Вскоре он доехал до того самого амбара, точнее, пепелища, где сгорели его попутчики-солдаты. Странно, но почему-то жалости к ним он не испытал.

– На все воля Божья! – успокоил он сам себя и проехал мимо. Нестерпимо захотелось увидеть семью. Сказать им, что добился он все-таки того, о чем мечтал и к чему стремился. Нарядит он сестру и мать в шелка! Отстроит отцу и Евдокиму настоящие фабрики! Ох! Сколько всего можно сделать благодаря этому сундучку с золотишком, но самое главное – это, конечно, заставить остальных взглянуть на тебя по-другому. Он теперь богат и может сам выбирать себе окружение. Выберет невесту – Лиговскую, конечно! Построит дом и заведет кучу детишек!

– Куда прешь, идиот? – раздался грубый окрик, который вывел Сергея из мечтательной и приятной задумчивости. – Совсем ополоумели! Зальют глаза и не видят перед собой ничего! – продолжал ругаться здоровенный мужик. Сергей хотел было извиниться, но здоровяк даже не подумал выслушивать его. – Щенок! Ты еще перечить мне решил?! Вы погляньте на него, люди добрые! – к тому времени прибавилось народу на рыночной площади городишка, где и произошло столкновение. Здоровяк разбушевался не на шутку.

Он был слегка пьян и потому куражился изо всех сил.

– Послушайте, – начал было Сергей, – я приношу свои...

– Чаво? Ты поглянь на этого поганца! Наехал на меня и теперь еще что-то лопочет!

Толпа залилась хохотом.

«Интересно что же такого смешного они нашли в моих словах?» – думал Сергей, глядя на веселящуюся толпу.

– Ты, видно, щенок, и знать не знаешь, с кем столкнулся? – он повернулся к толпе и крикнул, – Объясните кто-нибудь, с кем свела его судьба, не то я за себя не ручаюсь!

– Это же Митрофан Колесник! Воевода разбойников лесных, он частенько к нам заглядывает и таких, как ты, богатеев, уму-разуму учит, – объяснил ему молодой парень, похожий на дворцового скомороха, которого Сергей видел на балу.

«Только бы золота не нашли!» – единственная мысль мелькнула в голове Сергея:

– От меня-то чего вам надо? Я сын простого ремесленника, еду домой, и брать с меня нечего, – обиженно и испуганно проговорил он.

И тут он увидел Петра Заярного, бывшего бригадира отцовской артели. Как он здесь оказался? До сей поры никто не знал куда подевался Петр после пропажи своей жены, а теперь, поглянь, встретились. И именно он спас Сергея от дальнейшей расправы, которую хотел было учинить Митрофан.

– Правду молвит сей хлопец! – выступил вперед Петр, – я с его отцом сам нередко плоты гонял по реке! Не богат он, из таких же, как и мы все! А что карета своя, сейчас это он позволить себе может! Заказы у отца от самого двора идут!

Митрофан глядел с недоверием.

– От императора, говоришь? – переспросил он. Сергей качнул головой в знак согласия.

– Ну, что ж, ступай с миром! – махнул Митрофан и, развернув своего коня, поскакал в ближайший лес со своей ватагой, откуда только выехал Сергей. Петр поскакал следом.

«Фу ты, черт! – вздохнул Сергей. – Пронесло! Надо быстрее отсюда ноги уносить!» – Но к его горькому разочарованию, одна лошадь пала от усталости и, видимо, по болезни, так что пришлось ему задержаться в городишке.

А в нем по-настоящему разыгралась тифозная лихорадка. Люди не выходили из домов, не пускали гостей, и Сергею подумалось, что умрет он на улице, посреди домов, и никто не выйдет, чтобы похоронить его, хотя хоронят тут чуть ли не каждый день.

«Что за мор?» – думал Сергей, сетуя на свою несчастливую дорогу.

Наконец, после долгих поисков жилья, его принял на постой один старец. Весь седой, с длинной кудлатой бородой, он выцветшими глазами посмотрел на парня и произнес:

– Проходи, вижу, что здоров ты.

– Благодарю тебя, отец, что не отказал. Ох, пришлось бы мне худо, коли не доброта твоя, – рассыпался в любезностях замерзший Сергей.

Старик не обращал на него никакого внимания. Ушел и вернулся, держа в руках какую-то бутылку с жидкостью.

– На, пей, – приказал он.

Сергей не стал противиться и выпил. Потом сел и, откинувшись на стену, уставился на картину, висевшую на противоположной стене.

– Хата твоя, как кротова нора. Незаметная, – заплетающимся языком сказал он.

– Это я, сынок, к земле привыкаю, – ответил старец и улыбнулся.

– А почему?.. – хотел он спросить, почему старец его приветил, когда другие прогнали, но не успел. Веки сомкнулись в сладкой неге и мысли понеслись совсем по другому течению. Он оказался словно в теплой речке. Только легкий белый туман плыл по ее поверхности. И представил Сергей, что это он вместо тумана плывет, и так стало ему легко и просторно, что от удовольствия приятно защищал затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.